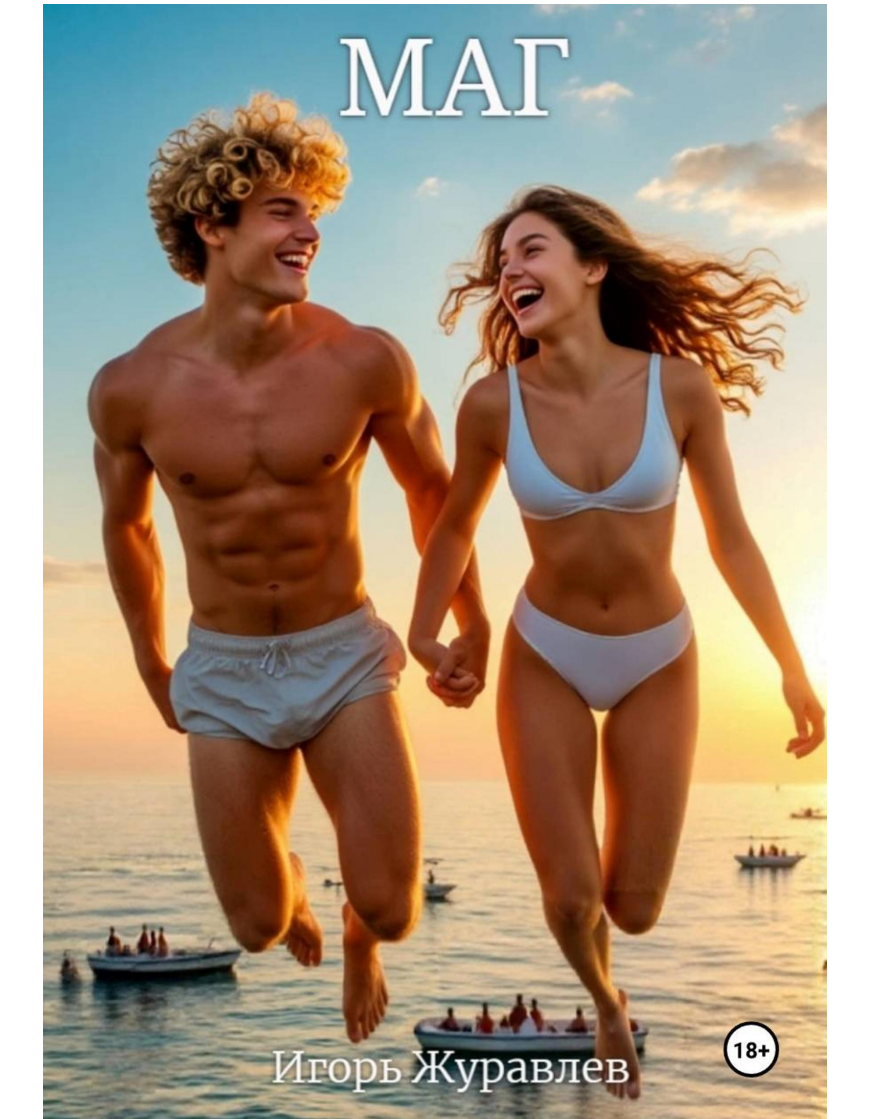

МАГ

A young man with curly blonde hair and a young woman with long brown hair are running barefoot on the surface of the ocean. They are holding hands and laughing joyfully. The man is wearing white swim trunks, and the woman is wearing a white bikini. The background shows a sunset over the sea with several small boats in the distance. The sky is a mix of blue and orange, and the water reflects the warm light of the setting sun.

Игорь Журавлев

18+

Игорь Журавлев

Маг

<https://litres.ru/74352189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они не люди, хотя внешне, да и внутренне, неотличимы от людей. У них есть душа, потому что они, в отличие от остальных людей, не являются продуктом эволюции. Они были созданы Демиургом на заре творения Веера миров. А еще у каждого из чистых адамов, то есть тех, чья родословная не смешивалась с людьми эволюции, со временем появляется дар, и этот дар можно развивать, переходя со ступени на ступень. Они называют себя — адамы. Роман "Маг" — это четвертая книга цикла "Адамы".

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	78
Глава 9	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Игорь Журавлев

Маг

«Тот, кто не верит в волшебство, никогда его и не найдет» (Роальд Даль).

«Отличить волшебника от простого человека очень просто: если вы не можете понять, как у него «это» получилось, перед вами волшебник» (Ричард Бах).

Пролог

— Так ты все же волшебник? — засмеялась Лариса. — А говорил, что только учишься!

— Учеба закончена! — торжественно провозгласил я. — Теперь я самый настоящий волшебник, а если точнее — Маг. Причем с большой буквы, поскольку это официальное название ступени посвящения.

— Ну, тогда намагичь что-нибудь, слабо? — она явно подначивала меня, желая вывести, как она считала, на чистую воду.

— Хм, — задумался я.

А потом вдруг одеяло, которым мы укрывались, взлетело к потолку и там зависло, открывая наши жаркие от близости тела. Лариса ахнула, уставившись вверх, потом встала на кровати, дотянулась до одеяла и попробовала стащить его вниз, но не тут-то было! Одеяло стало, словно каменной плитой, висевшей в полуметре под потолком. Тогда девушка подпрыгнула и, уцепившись крепкими пальцами за край, повисла на нем, собственным весом попытавшись стащить одеяло вниз. Я в это время с удовольствием любовался открывшейся передо мной заманчивой картиной в стиле ню. Не выдержав, прокомментировал:

— Классно смотришься! Можно, я тебе сфоткаю?

— Я тебе сфоткаю! — погрозила мне Лариса кулаком

сверху, но, не удержавшись на одной руке, рухнула на кровать. Повозилась, устраиваясь удобнее и прижавшись ко мне, опять посмотрела наверх и убежденно изрекла:

— Этого не может быть! Какой-то гипноз, да? Я слышала, некоторые врачи владеют гипнозом.

И в следующий неувловимый миг мы уже лежали на одеяле под потолком и смотрели на белеющую внизу скомканную постель.

— Это точно гипноз, — прошептала Лариса, — ведь этого не может быть. А, точно! Я же, наверное, сплю и все это мне просто снится.

И она счастливо рассмеялась от пришедшего на ум объяснения. Тут же ее подавленное непониманием состояние изменилось.

— Если уж я сплю, — решительно махнула рукой она, пихнув меня в бок, — и в моем сне ты волшебник, то хочу полетать над городом, как Маргарита у Булгакова.

— Мадемуазель предпочитает летать на метле или на щетке с длинной ручкой, как в романе? — вежливо поинтересовался я.

— Да, точно! — загорелась она, — как в романе хочу!

— Извольте, — я театрально махнул рукой, и перед Ларисой прямо из воздуха соткалась щетка для подметания пола, как я ее запомнил из фильма, давненько уже просмотренного, — только новенькая, которой никто еще не пользовался. Она висела перед девушкой, чуть пританцовывая, словно

скакун, с нетерпением ожидающий веселой скачки.

Лариса, уверившая себя в том, что спит, моментально схватилась за ручку, окно перед ней распахнулось, и она, увлекаемая щеткой, вылетела в раннее утро конца мая. Я, недолго думая, устремился за ней, для этого мне никакие щетки нужны не были, а когда догнал, спросил:

— Помнишь, что надо крикнуть?

Лариса смешно сморщила носик, пытаясь понять, о чем это я, но тут же догадалась и во все горло прокричала:

— Невидима! — и захохотала.

И наши тела сразу исчезли из поля зрения тех, кто мог бы сильно удивиться, увидев нас, летящих по небу в таком виде.

Мы скользили над домами, каналами и храмами, словно две бесплотные тени, не ощущая себя таковыми. Лариса веселилась вовсю, заглядывала в окна квартир, громко комментируя увиденное, кричала что-то дворникам, которые, зевая, выходили на работу со своими метлами, а те в недоумении оглядывались по сторонам. Потом нарезала несколько кругов вокруг купола величественного собора и, наконец, зависла рядом, переводя дух.

— Сфотографируй меня! — крикнула она.

Я молча достал из воздуха смартфон и сделал несколько снимков, в то время как Лариса проказничала, принимая разные позы.

— Смотри! — хохотнул я. — Теперь у меня есть компромат на тебя, как думаешь, потянет на статью об оскорблении

чувств верующих?

— Плевать, — она мотнула головой. — Никто не поверит, скажу, что подстава от нейросетей.

Здесь я с ней вынужден согласиться, ясно, никто не поверит, будто следователь СК летает по утрам на метле обнаженной. Пусть даже не на метле, а на щетке. Явная подделка с помощью ИИ. Но для себя пригодится, и я переключил на запись видео.

— Погнали на залив! — крикнула Лариса и, покрепче ухватившись за ручку щетки, смело направила ее в нужную сторону. А я, чуть приотстав, ухмыляясь, снимал ее полет на видео, с моей точки зрения, вид сзади был идеален. Ларисе было наплевать, ведь она убедила себя в том, что это лишь сон, а во сне все можно.

Когда понеслись над сверкающей водной гладью, она обернулась и спросила:

— Я вся горю, можно искупаться?

— Сегодня тебе все можно, — подтвердил я.

— А щетка?

— Щетка никуда не денется, просто оставь ее висеть в воздухе и ныряй.

И Лариса, недолго думая, оттолкнула щетку и, изящно извернувшись в воздухе... все равно вошла в воду бомбочкой, расплескав вокруг тучу брызг и визжа от страха и удовольствия. Если б не защита тела, поставленная мной, она бы, конечно, сразу окоченела, вода здесь и без того никогда не

достигает слишком комфортной для купания температуры, а уж в это время года вообще ледяная. Да и просто в воздухе Лариса давно бы замерзла, все же не в тропическом раю живем. А так девушка ощущала лишь в меру прохладную, освежающую воду, испытывая настоящее удовольствие. А я продолжал фиксировать все сверху на смартфон.

— Олег! — она задрала голову. — Хватит снимать, присоединяйся! Вода как парное молоко, даже удивительно. И я, повесив работающий смартфон в воздухе, застыл в паре метров над водой и крикнул:

— Смотри, как надо нырять!

После чего рыбкой скользнул вниз. А когда вынырнул, услышал ее возмущенный голос:

— Это нечестно, ты стоял в воздухе, а я просто свалилась, отпустив метлу!

Мы смеялись, бултыхаясь рядом, плавали вперегонки, и я специально отставал, давая ей насладиться триумфом в полной мере. Ведь это сейчас ее чудо, а мне доставляло удовольствие просто смотреть на то, как она счастлива.

— Когда-нибудь ходила по воде? Хочешь?

— Хочу!

— Тогда давай руку.

И вот, держась за руки, мы выскользнули на поверхность, утвердившись на водной глади. Лариса смотрела во все глаза, ей все очень нравилось. Она несколько раз топнула по воде, разгоняя круги.

— Побежали? — предложил я.

И мы рванули навстречу еще невысоко висевшему в небе солнцу, поднимая тучу брызг, абсолютно счастливые, словно дети, обегая по пути качающиеся рыбацкие лодки. Рыбаки удивленно наблюдали невиданное зрелище: брызги, словно от бегущих по воде людей, громкий смех и женский визг. Слышались вопросы, мат звенел над заливом, а кто-то даже крестился.

— Они нас точно не видят? — глубоко дыша, спросила Лариса.

— Точнее не бывает, — уверил я.

И остановившись, мы принялись целоваться. Вы когда-нибудь целовались, стоя утром на воде посередине залива? Нет, конечно, я тоже первый раз, но мои ощущения было нельзя сравнивать с тем, что чувствовала Лариса. Ее восторг просто бил через край, но вместе с тем я ощутил, что она проголодалась. Ну, еще бы! — Бурная ночь, пару часов сна, а потом вот это всё. Однако сама она ни за что не признается и готова терпеть, пока, как она уверена, не проснется. Поэтому предложил сам:

— Может, домой? А то что-то есть очень хочется.

Она молча кивнула, и вот уже щетка заплясала в воздухе возле ее руки. Лариса в последний раз оглянулась, вдохнула полной грудью утренний морской воздух и ухватилась за ручку. И все понеслось в обратном порядке, только возле храма останавливаться не стали, да и в окна больше не за-

глядывали.

А когда спланировали сквозь распахнутое окно прямо на кровать, она полежала немного, глядя в потолок, под которым больше не висело одеяло, потом повернулась ко мне и, глядя прямо в глаза, спросила:

— Олег, а ведь это не сон, да?

— Не сон, — легко согласился я.

— Значит, ты и правда волшебник?

— Типа того.

— Но так не бывает.

Я пожал плечами, открыл на телефоне видео и протянул ей. Она внимательно просмотрела все — от начала до конца, потом долго разглядывала фотографии, увеличивая их до предела, пытаюсь что-то найти.

Потом кинула смартфон на постель и сказала:

— А я ведь с самого начала о чем-то таком догадывалась.

Вот только все равно, этого не может быть.

— Почему? — поинтересовался я?

— Потому!

— Ну и ладно, — решил я. — Ты все еще хочешь есть?

— Очень, — призналась она.

— Кухня там, — указал я в нужную сторону, чем вызвал искреннее возмущение.

— Что, я должна готовить?!

— А кто? — в свою очередь, сделал удивленное лицо я.

— Я у тебя в гостях!

— Так будь как дома! — я расхохотался, но потом все же добавил:

— Ладно, иди на горшок и мыться, а я пока что-нибудь приготовлю.

И Лариса с независимым видом, подбирая на ходу разбро-
санную по комнате одежду, вышла из спальни. А я, зевнув,
тоже оделся и направился на кухню, гадая, осталось ли что-
то в холодильнике.

Глава 1

Итак, я Маг, но, конечно, все оказалось совсем не так, как я себе представлял. Не было такого, чтобы я чего-то пожелал, и это тут же исполнилось. Никакого тебе «по щучьему веленью, по моему хотенью» или красивого взмаха волшебной палочкой. А что же тогда? — спросите вы.

Ну, во-первых, надо точно представлять, что ты хочешь получить в итоге. Это обязательно, мне пришлось долго формировать в себе это умение, поскольку нужны даже мелкие детали. В общем и целом более-менее стало получаться лишь ближе к Новому году, а это больше четырех месяцев с переменным успехом. Я и не думал раньше, что у меня такое узкое воображение, наоборот, считал его очень широким. Однако, как оказалось, для сотворения чуда его совершенно недостаточно. Но и это лишь первый шаг.

Во-вторых, необходимо полученную в голове картинку наполнить энергией созидания, которая теперь видоизменилась из энергии майя после перехода на ступень Мага. И на то, чтобы все делать быстро, ушло еще почти два месяца.

Но самое сложное — это, в-третьих. Создав мысленный образ и заполнив энергией, нужно вставить его в ткань реальности так, чтобы эта ткань не порвалась, но очень мягко фантазия сначала легла на реальность, а потом и подменила ее. Оказывается, то, что мы считаем реальностью, — это

очень тонкий слой, подобный стенке мыльного пузыря, которая рушится от малейшего дуновения. Вот этого разрыва и нельзя допустить ни в коем случае сразу по нескольким причинам: неосторожно порванная реальность расходится кругами, как от брошенного в воду камня. А это грозит многими проблемами, например, если ты пытаешься совершить чудо в городе, и реальность рвется, то где-то рядом автомобиль наедет на гуляющего по тротуару человека, просто потому, что они мгновенно окажутся в одной точке, ну или еще что-то в этом роде. Кроме того, возможен вариант, когда настоящее и прошлое меняются местами и тогда уже наступит настоящий локальный хаос. Ну, представьте, вы вчера похоронили маму, а сегодня приходите домой, а она готовит борщ на кухне. Представили? А еще люди, оказавшиеся в точке разрыва, которая получается довольно жирной, сходят с ума если не навсегда, то очень надолго, но скорее, все же навсегда. Мозг человека не способен выдержать такого сдвига, слишком нежная субстанция.

Поэтому, когда я прошел первые этапы, тренироваться отправился в пустующие ныне владения Вилоры и пока не научился все делать правильно и быстро, доведя свои действия до автоматизма, в Срединный мир не показывался.

Последний этап — баланс или, если иначе — спрессование времени, когда все этапы спрессовываются в единый неуловимый миг, и для стороннего наблюдателя все выгляди так, словно я захотел и тут же случилось. Ну а потом еще

с месяц отработки уже для того, чтобы и у меня все этапы проходили одномоментно, почти мгновенно, и я мог творить чудеса, словно на автомате выдавая нужный результат — типа нажал невидимую кнопку, и готово.

В общем, можно сказать, настоящим Магом я стал лишь к середине мая, и мое сегодняшнее чудо с Ларисой было едва ли не первым моим настоящим чудом в Срединном мире.

Мой новый уровень — это высший пилотаж, мастерство уровня «бог», но все же именно мастерство. Мне не нужно было учить какие-то заклинания или еще что-то из той же серии, но вот научиться управлять энергиями творения — это надо было постараться. И я постарался, я прям, очень постарался. Как утверждал великий Альберт Эйнштейн: «Все в мире является энергией. Энергия лежит в основе всего. Если вы настроитесь на энергетическую частоту той реальности, которую хотите создать для себя, то вы получите именно то, на что настроена ваша частота. Это — не философия. Это — физика». И, как выяснилось, магия — это именно технология, технология высшего порядка, умение манипулировать энергией, создавая из нее то, что тебе нужно.

Вернее, даже не совсем так. Все же, Альберт немного утрировал, хотя известная формула $E=mc^2$ действительно указывает на то, что материю можно превратить в энергию.

Но если рассуждать корректно, эта формула не утверждает, что в основе мира лежит именно энергия, она лишь указывает на то, что энергия — это один из видов материи, к которому всю материю можно привести.

А что такое энергия по сути своей? Ну, если упростить, то можно сказать, энергия — это некая информация, упакованная особенным, я, не побоюсь этого слова, — божественным способом. Весь наш мир — это информация о свойствах, взаимодействиях, связях и движении материи и энергии. Самые мелкие частицы, из которых состоит вещество — это порции информации. Если копнуть ту же теорию струн, то струна в чистом виде — это порция информации. Полный объем информации об объекте тождественен самому объекту, а весь наш мир — это переплетение информационных потоков.

Когда я перешел на уровень Мага, у меня, скажем так, открылась способность видеть эти информационные потоки. Ну, к примеру, я смотрел на стул, но одновременно видел полную информацию об этом стуле, его описание, что ли... как бы записанное в потоке энергии и, по сути, этим самым стулом и являющуюся. Как бы это объяснить? Скажем, вы читаете в книге описание природы: лес, речка, ивы, склоненные над водой, закатное солнце, почти касающееся верхушек деревьев. Ничего этого нет, но вы своим воображением уже создаете для себя нужную картину, как бы «видите» ее. И чем подробнее описание, тем легче представить.

Так и я, на основании считываемой мною информации, мог создать такой же стул, для начала создав его в голове своей, наполнив энергией с описанием нужного предмета, заполнив материей нужного качества и объема, и лишь потом воплести свое создание в ткань реальности, спрессовав время так, что сторонний наблюдатель видел лишь мгновенно возникший стул *ex nihilo*. Или мог создать что-то другое, «вписав» в поток энергии информацию о том, что именно я хочу создать, либо подправив уже записанную информацию нужным мне образом. Все как сказал когда-то другой выдающийся человек — Артур Кларк: «Любая достаточно продвинутая технология неотличима от магии». А точнее — это и есть то, что принято называть магией, по крайней мере, в среде адептов.

Первым моим значимым достижением на поприще Мага стала дверь, если не считать, конечно, всякой мелочи, которую я творил до этого. Не простую дверь, а дверь в искусственный мирок Вилоры, оставленный мне теперь уже Ее Величеством королевой, а не просто моей учительницей и легендарным бойцом Веера миров, что знал я когда-то.

Дверь получилась самой простой, деревянной, больше похожей на дверь в деревенском туалете, что стоит где-нибудь за домом. Она стояла прямо на полу посреди комнаты, вертикально, как и положено, хотя и без всякого косяка, однако петли присутствовали. Я обошел ее со всех сторон, встал на колени, наклонился и увидел, что дверь все же не стоит на

полу, есть крохотная щелочка, отделяющая ее от паркетного настила. Хмыкнув, вновь открыл информационный блок и вписал несколько строчек, после чего дверь изменилась, приняв вид межкомнатной двери, что стоят в моей квартире.

Итак, если я все правильно сделал, мне больше не нужен Причинный лес и его загадочные тропы, через эту дверь теоретически можно попадать, куда захочу, хоть в Срединном мире, хоть в любых других мирах Веера. Главное — точно знать, куда именно тебе надо, и, получается, легче всего попасть туда, где я уже был и могу себе это место достаточно хорошо представить.

Постояв немного, с замиранием сердца приоткрыл дверь, заглянул в щелочку и лишь после этого распахнул дверь пошире. Ура, все получилось! Шагнул в дом, в котором прожил пять долгих лет по Времени этого искусственного мирка, и где мне было очень тяжело, особенно первый год, а потом... Потом были сражения, победы и крепкие объятия Лоры по ночам.

Я прошелся по дому, осмотрелся, казалось, здесь ничего не изменилось с моего последнего посещения, даже запах тот же самый. Выйдя на улицу, прошел к озеру, улыбнулся, разделся и нырнул с мостка в меру прохладную воду. Ух, ляпота!

А когда вернулся в Срединный мир, натренировавшись до одури, был уже настоящим Магом. Ну, по крайней мере, таковым себя ощущал, сравнивать-то не с кем пока. Отволок дверь, так и стоявшую посередине комнаты, в кладовку, подошел к окну и неожиданно увидел за окном вместо снега цветущие свечки каштанов, посаженных кем-то в нашем дворе. Надо же, я совсем забыл, что можно было свернуть время, вернувшись хоть в ту же секунду, когда вошел в дверь. Постоял перед окном, подумал и решил, что ничего исправлять не буду — лень, да и весна всяко лучше, чем конец лета и грядущая осень.

Первым делом позвонил маме, дождавшись, пока хоть немного зарядится смартфон, забытый на журнальном столике. На удивление мама не стала причитать о том, куда я пропал, она вся извелась и т.д., лишь спросила, все ли у меня хорошо, и сообщила, что поначалу часто звонила Лариса, а также взяла с меня обещание сегодня же быть у нее к ужину.

Я хлопнул себя ладошкой по лбу: точно, Лариса же! Больше всего меня удивило, что за все время, проведенное в напряженных тренировках, я ни разу — ни разу не вспомнил о ней! Словно кто-то вычеркнул все воспоминания о ней из моей головы. Блин, а как же моя любовь, куда она делась? Неужели, при переходе на ступень Мага, все мои чувства об-

нулились, остались лишь родственные? Еще немного подумал, представив себе Ларису в самом соблазнительном виде и... чувства проявились, но на уровне физиологии, женщины-то у меня давненько не было. А вот любви, которая пылала во мне прежде, как бы и не было совсем. Ладно, — решил я, — встретимся, посмотрим, что там и как. Вдруг у нее уже новый любимый?

Открыл список входящих — ё-мое, несколько звонков от Котельниковой, парочка от Голицына и больше пятидесяти от Ларисы, потом, должно быть, сел аккумулятор. Мне стало стыдно, я уже хотел позвонить Лаврентьевой, но почему-то не решился. А что я ей скажу? Надо самому все сначала обдумать.

Вновь поставив смартфон на зарядку, осмотрел квартиру, она была аккуратно прибранной, видимо, уборщица приходила регулярно, не зря я ей за полгода вперед заплатил, внушив, что обманывать меня для нее просто невозможно и даже невысказано.

Потом вызвал ребят, а когда они приехали, с ходу объявил, что они свободны, мне больше охрана не требуется.

— Если будут нужны деньги или вообще любая помощь, парни, не стесняйтесь, обращайтесь, я всегда помогу чем смогу. А могу я теперь очень многое.

Ребята и сами теперь состоятельные люди, да и понимали, что вряд ли смогут быть мне полезными в качестве охранников, поэтому решение мое приняли спокойно. Я же знал

точно, что у каждого из них давно уже созрели собственные планы на жизнь, и был за них только рад. В общем, попрощались мы друзьями, без лишних рассусоливаний, как и положено мужчинам. Пожали друг другу руки, обнялись, пожелали удачи, договорились созваниваться, и они ушли. А я прошел в комнату, упал на диван и попытался подумать, что мне делать теперь, но неожиданно для самого себя уснул.

Глава 2

А когда проснулся и взглянул на часы, понял, что пора к маме на ужин, как и обещал. Быстренько ополоснувшись, почистил зубы и вышел на улицу, в такой милый сердцу, но подзабытый за прошедшие месяцы городской шум. Даже не думал, что так по нему соскучился, пока не оставил за спиной дворовую арку. Люди спешили по своим делам, туристы прогуливались, глаза по сторонам, вот привычная очередь в «Пышечную», растянувшаяся на десяток метров, уличные музыканты настраивают аппаратуру на углу, лютеранская кирха напротив православного собора, цветущие деревья в кругах из тротуарной плитки, гудки автомобилей — все до боли знакомое с детства, родное до набухшей в глазах влаги.

Я тряхнул головой, что это со мной? Такая сентиментальность ранее не была мне присуща, неужели, старею? И я расхохотался от этой мысли, ведь я теперь могу не стареть никогда! На смех обернулись туристы, а местные даже не обратили внимания — привычная вечерняя картина, чего здесь только не увидишь!

В общем, решил прогуляться пешком, здесь и идти-то полчаса неспешным шагом, если дворами. А заодно можно Котельниковой позвонить.

— Олег? Это ты? — услышал я вместо приветствия.

— И я рад тебя слышать, Светлана Ивановна!

— Щас как дам за Ивановну! — привычноотреагировала та. — Ты где был? Я уже не знала, что и подумать, у кого ни спрошу, никто не в курсе.

— Извини, что не предупредил, — оказывается, я соскучился по моей работодательнице. — Но это было необходимо, потом объясню.

— Ты где? Дома? Я сейчас приеду!

— Нет, не дома, иду к маме, обещал быть к ужину. Давай, завтра с утра встретимся?

— Ладно... — в голосе Котельниковой явно проскальзывали нотки разочарования и нетерпения, но как истинная бизнесвумен она сумела себя сдержать. — Но завтра ты мне все-все расскажешь, понял?

— Понял, не дурак. Был бы дурак, не понял бы, — ухмыльнулся я и нажал на отбой, походя удивившись себе — раньше я таким не был, и первым разговор с женщиной ни за что ни прервал.

На подходе к дому встретил все ту же компанию местных алкашей, бывших когда-то моими одноклассниками. Те, увидев меня издали, тут же приободрились в надежде стрелкнуть у меня денежку. Судя по рожам, они уже успели похмелиться и опять протрезветь, а теперь жаждали новой дозы. А что, если?

Я вызывал информационные потоки каждого, вчитался в прописанные там символы, а потом взял и переписал в по-

велятельном наклонении запрет на алкоголь в любом виде, наркотики в любом виде, табак и прочие вейпы, вредные для здоровья себя и окружающих. Прописал желание к занятиям спортом и честному труду. Все это, благодаря спрессованию времени, не заняло у меня и секунды, так что подошел я уже к компании трезвенников и потенциальных работяг. Вполне естественно, после обмена приветствиями, первый вопрос ко мне был сразу по делу: не знаю ли я, куда можно устроиться на работу? Они говорили, и сами себе удивлялись, а уж как, уверен, удивятся их родители и все, кто их знает!

В парадную заходил очень довольный собой: как же — доброе дело сделал! А потом были объятия мамы и вкуснейшая мамина стряпня, правда ведь, лучше мамы никто не готовит?

Когда же, довольный, откинулся на спинку стула, мама спросила:

— Ты уже Маг, сынок?

— Да-а... — удивленно протянул я, мама раньше всегда избегала подобных разговоров, упорно делая вид, что мы обычные люди и живем в обычном мире.

— Хорошо, — мама задумчиво разгладила ладошкой скатерть на столе, а потом вдруг заявила:

— Детей, Олег, надо вывозить к нам!

— Какие еще детей, мама, — я вытаращил глаза, не понимая, что с ней. Даже испугался немного.

— Твоих детей, моих внуков, — твердо ответила мама и протянула мне смартфон с открытой на нем фотографией.

Я уставился на фото, не в силах сообразить, кто такие эти два карапуза, спящие рядом. И лишь минуту, наверное, спустя до меня стало что-то доходить.

— Это что, мама, это Светка-царица родила, что ли?

— Да, — просто ответила мама. — Именно она, и именно поэтому детей надо вывозить к нам, потому что у лилит их воспитают морально ущербными.

Ух ты, ничего себе! Я вновь взгляделся в фотографию, пытаясь уложить в голове мысль, что я теперь отец, у меня двое детей, двое сыновей! Вот же ёлы-палы, а? И что теперь делать?

— Подожди, мама... Светка... то есть — Светлана сказала, что по династическому закону, если мальчики родятся чистыми адами... они ведь чисты?

— Чистые, — подтвердила откуда-то все знающая мать.

— Ну вот! — я улыбнулся. — Они по династическому закону теперь наследники престола и их никто не тронет!

Мама вздохнула и покачала головой.

— Господи, Олег, ты все такой же наивный мальчик, хоть и вымахал под потолок! Неужели ты думаешь, что этой твоей Светке-царице кто-то позволит привести на трон мужчину?

— Но закон же древний...

— Закон этот, сынок, хорош лишь до тех пор, пока не родится чистый наследник-мальчик. На самом же деле, это во-

обще никому из власть имущих не нужно, ведь это меняет весь сложившийся уклад. Или ты думаешь, те же дочери этой Светланы просто так откажутся от трона?

Я задумался, вспоминая Наташу, наследницу престола, всех этих надменных статс-дам при дворе, свысока смотрящих на меня лишь потому, что я мужчина... Действительно, с чего я взял, что все они согласятся на перемены, да еще такие кардинальные?

— Хорошо, мама, — пробормотал я, — сгоняю в мир лит, поговорю со Светой, узнаю, как дела и что она сама обо всем этом думает. Только с делами здесь разберусь, тем более что не горит, пока они малыши, никто их не тронет. Светлана кто-кто, но точно не дура, секрет детей сохранит. К тому же я ей обещал вернуться, когда она родит.

Об этом я только что вспомнил, слишком насыщенная у меня была жизнь после этого, но вслух, понятно, ничего не сказал. И в этот момент проснулся мой смартфон. Я глянул на экран — Лариса!

— Извини, мам, — я вышел в другую комнату и принял вызов.

— Алло!

— Олег... — послышался глубокий выдох. — Олег, это ты?

— Привет, Лариса! — я тоже выдохнул. — Извини, что пропал, но я не мог иначе. Поверь, я тебе все-все объясню...

— Ты! Ты...я думала, тебя больше нет... — и Лариса от-

ключилась.

М-да уж. И что теперь делать? Вопрос не из простых, учитывая, что прежних чувств к ней я больше не испытываю. Уж не знаю, что в этом виновато: чувства мои не выдержали проверки временем, либо мозг на новом уровне так перестроился, что все прошлое осталось в прошлом? Я больше склонялся ко второму варианту. Скорее всего, поднимаясь по лестнице благодати, на каждой следующей ступени адам немного меняется, возможно, перестраиваются структуры мозга для принятия нового дара. И если на первых ступенях это не очень заметно, то чем выше дар, тем больше изменений. Я, например, ничего такого не замечал на предыдущих ступенях, но ведь это значит только, что я ничего не замечал, а вовсе не то, что изменений не было. Ладно, все, что мне нужно, — это встретиться с Ларисой, поговорить и таким образом проверить себя. Если в сердце ничего не отзовется, ну... что делать, нельзя заставить себя полюбить, хотя... Почему это нельзя, если любовь — это химический коктейль, впрыснутый в мозг? Чисто технически для меня смешать такой коктейль совершенно нетрудно. Другое дело, оно мне надо? В общем, надо сначала встретиться, а потом посмотрим.

От мамы я ушел поздно, несмотря на ее уговоры остаться на ночь. Странно, но я уже не ощущал эту родительскую квартиру своим домом, хотя прожил в ней целых двадцать четыре первых года жизни. Но потом, с получением перво-

го дара Скульптора жизнь так завертелась, бросая меня то в мирок Вилоры, то к лилит, да и в Срединном мире я уже привык к новому жилью, его и считал своим домом.

А с утра приехала Светлана Котельникова, как обычно, оповестив о своем визите уже подъезжая к дому. Я к тому времени проснулся, но никак не мог заставить себя встать, настолько было приятно это уже почти забытое ощущение безделья. Все последние месяцы я спал урывками, когда уже совсем с ног валиться начинал, увлеченный развитием новых способностей. Поэтому звонок Котельниковой послужил таким триггером, вынудившим подняться и, натянув трусы (спать я привык без ничего), поплестись к двери, зевая на ходу. А кого мне стесняться, Котельникова меня всяким видела.

— Хорош, — оценила она мое помятое спросонья лицо и растрепанные волосы. — Неужели я тебя разбудила?

— Не совсем, — пробурчал я, — но от увлекательного безделья, соединенного с валянием в постели, отвлекла.

— Где же тебя так укатали? — сочувственно чмокнула меня в щеку Светлана, на мгновение прижавшись всем телом.

— Да было дело... — неопределенно ответил я, тут же переводя разговор, — приготовишь кофе, пока я приведу себя

в порядок?

Она засмеялась и потрепала меня по голове ладошкой:
— Уболтал, языкастый, сделаю!

И мы разошлись: она на кухню, а я в сторону санузла. А когда ополоснувшись, почистив зубы и причесавшись, пришел на кухню, там уже были нарезаны бутерброды, и вкусно пахло моим любимым кофе.

— Ух ты! — не удержался я. — Миллиардерша умеет готовить, ничего себе!

И ты же запихал в рот сразу половину бутерброда.

— Ууумм, пища богов!

Котельникова, не удержавшись, засмеялась:

— Вижу, не подменили моего Олега Виноградова, все тот же балабол!

И сама тоже подхватила бутерброд и осторожно откусила.

— А ведь и правда, вкусно! Сто лет таких бутиков не ела!

— А то! — важно подтвердил я. — Это тебе не какая-то мишленовская стряпня, которой тебя пичкают в дорогих ресторанах! Ешь, пока я добрый, когда еще такое теперь попробуешь!

И Светлана Ивановна, задорно мотнув головой, схватила в другую руку еще один бутерброд, усердно работая челюстями.

— Не успела позавтракать, думала, вместе с тобой куда-нибудь заедем.

— Не оправдываясь, — махнул рукой я, — чай, не чужие.

Почему-то моя последняя фраза сильно рассмешила Котельникову, так что она чуть не подавилась. Пришлось дружески похлопать ее по спине. Как врач, я знал, что правильнее хлопать по груди, там ближе к дыхательному горлу, следовательно, эффективнее, но так тоже пойдет в условиях, когда человек согнулся почти до пола.

А пока все это длилось, я обдумывал, что сказать своей компаньонке: правду или придумать что-то более правдоподобно звучащее, чем правда? С одной стороны, Светлана знает многое обо мне, о моих дарах, даже об адамах, а, с другой стороны, стоит ли ей знать о моих новых способностях? Дилемма. В конце концов, решил не забивать себе голову: как пойдет разговор, так и пойдет. В любом случае в моей власти потом все переиграть.

Когда мы позавтракали, Котельникова посмотрела на меня своим фирменным взглядом деловой женщины:

— Так, Олег. А теперь я хочу услышать все: где ты был, что делал, почему не отвечал на звонки даже своей любимой девушки, не говоря уже обо мне?

Ничего себе, она, похоже, даже с Ларисой успела связаться! Да уж, хватка у Светланы Ивановны железная.

Глава 3

Я, не торопясь, допил кофе, решив, что скажу почти как есть: ну а в чем проблема? Разве трудно мне будет, если что-то пойдет не так (а что может пойти не так?) все исправить?

— Светлана, — начал я, глядя ей прямо в глаза, — думаю, что я больше не буду заниматься лечением.

— Почему? — спокойно спросила она.

Я подумал и ответил честно:

— Не хочу.

— Даже этих? — Котельникова неопределенно указала куда-то вверх.

— Даже этих, — я улыбнулся и добавил, — просто сделаю, что они все обо мне забудут.

— А как же я? — интересно, она даже не усомнилась, что могу сделать то, о чем сказал.

— Света, — вздохнув и не отводя от нее глаз, спросил, — тебе денег мало?

— Денег много не бывает, — машинально ответила та, — чем больше денег, тем больше вкладываешь их в разные проекты, а в результате все равно всегда не хватает.

Она покачала головой и, словно опомнившись, спросила:

— Я правильно понимаю, что ты, как там это у вас называется, перешел на следующую ступень своих возможностей?

Я лишь кивнул в ответ.

— И что ты теперь можешь?

И что ей сказать? Да какая разница, пусть знает!

— Не сказать чтобы прям все, но, скажем так: почти все.

— Я не понимаю, — растерялась Котельникова, — что это значит?

— Да то и значит: я могу многое, почти всё.

— Все равно не понимаю, что все?

— Ну, скажем так... я теперь волшебник, точнее — Маг, могу творить чудеса. Хочешь, сделаю тебя вновь молодой? Не так, как делал раньше, омолаживая, извиняюсь, фасад, а так, что тебе снова станет восемнадцать — по-настоящему, без всяких «но»? Ты вновь станешь такой, какой была в молодости — вся ты, каждая клеточка твоего тела.

— А что я скажу детям? — растерянно спросила Светлана. Интересно, почему ей именно это пришло в голову первым?

— Ну-у, не знаю, скажешь, новая методика омоложения...

— Подожди, Олег, при чем здесь мои восемнадцать лет? Ты сейчас говоришь правду, ты можешь делать что-то такое, что называют чудом?

— А зачем мне врать? Можно же проверить.

— Проверить, проверить... — забарабанила она пальцами по столу. — Хочу... спелое манго, только что сорванное.

Я видел, как растет манго! Воображение, наполнение, наложение, спрессование времени, хоп! И на блюдечке с голубой каемочкой перед Котельниковой из воздуха возникло

манго, спелое даже на вид, с черенком и листочком на нем.

— Попробуй, достаточно спелое? Можешь, кстати, не мыть, оно чистое, гарантирую.

Светлана неуверенно взяла фрукт, зачем-то вздохнула и решительно впилась зубами в тут же брызнувшую соком мякоть. Вкусный запах сразу заполнил кухню, а моя собеседница сосредоточенно жевала, не обращая внимания на текущий по рукам сок.

— Ну как? — поинтересовался я.

— В жизни ничего вкуснее не ела! — ответила та, зажмурившись от удовольствия. Интересно, это у нее так шок от увиденного проявляется?

Тем временем Котельникова доела манго, обсосала косточку, помыла руки под раковиной, вновь села за стол, сложила руки на коленях и посмотрела на меня.

— Как ты это сделал?

— Трудно объяснить, — я пожал плечами, — если коротко: захотел и стало.

— Просто захотел и стало? Как такое может быть?

— Ну, не просто захотел, надо учиться, чтобы получалось, но, по сути, так. А что не может быть... Света, мы уже давно вместе работаем, неужели все, что ты видела раньше, может быть с точки зрения обычного человека?

Она долго молчала, уставившись в окно, потом подняла голову и внимательно посмотрела на меня.

— И что теперь, я тебе больше не нужна?

— Ну что такое ты говоришь, Света! Я для тебя все сделаю, только попроси, мы ведь друзья!

— Только друзья? — Котельникова не сводила с меня глаз.

Ну, все, начались эти женские штучки!

— Очень близкие друзья, — твердо уточнил я. Хотел добавить, что она, вообще-то, замужем и сама никогда не рассматривали наши маленькие радости как повод к более тесному общению, но не стал. Котельникова — женщина умная, опытная, она сама все понимает. Просто сейчас не знает, как не потерять меня, такого ценного во всех смыслах человека, который может всегда понадобиться. А возможно, я плохо о ней думаю, и она правда дорожит нашими отношениями?

— Ну, хорошо, — она прихлопнула ладошками по коленям. — Тогда какие у тебя планы?

А какие у меня планы? Я ведь и сам толком не знал, что теперь делать. Отец не появлялся, другие адамы из Совета тоже на связь не выходили, хотя, уверен, уже в курсе моего возвращения в Срединный мир.

— Пока осмотрюсь, — ответил неопределенно.

— И что, деньги тебе совсем теперь не нужны? — ну, не может она не попытаться продать свое. — С такими возможностями можно стать самым богатым человеком в мире.

Я рассмеялся.

— А зачем? Ну, сама подумаю, я могу практически все, что в состоянии представить, зачем мне деньги? К тому же у

меня их уже сейчас столько, что за всю жизнь не потратить, с моей-то неприхотливостью. К тому...

Я театрально взмахнул рукой, и с потолка посыпались деньги — отечественные рубли, доллары, евро, лиры и еще какие-то тугрики, быстро заполнив всю кухню нам до колен. Котельникова ошеломленно взяла одну купюру, внимательно ее осмотрела, зачем-то даже понюхала и растерянно вздохнула. Еще один взмах руки, и деньги исчезли, словно их не было.

— Вот так, — зачем-то сказал я.

— Олег, подожди... — она тряхнула головой, — не могу осознать.

В этот момент, решив, что мне надоела возиться с ней, уговаривая, доказывая, я просто добавил в ее описание безоговорочную веру в то, что я Маг и могу творить чудеса. И облегченно улыбнулся, увидев ее изменившиеся глаза. Нет, она не перестала удивляться и восхищаться, но теперь только тем, что она знакома с настоящим волшебником, о чем мечтала когда-то в далеком детстве. Все эти ее мысли и ощущения я прочитал так, словно они были моими. Очень удобно, кстати, вот так понимать своего собеседника.

— А что ты намерен делать по другим обязательствам? Ну, по поддержке омоложения наших бывших клиенток?

Ах да! — Я поморщился, вспомнив моих богатых старушек, что еще, будучи Скульптором, омолодил при помощи дара. Сосредоточился и — опля, никто из них ничего не пом-

нит про эти обязательства, даже из договоров исчезли строчки об этом. Заодно стер себя из обязательств по поддержанию здоровья чиновничьей элиты, ну их в баню, я за сменяемость власти! Я задумался и понял, что на самом деле мне вообще по барабану, будут они меняться или править до смерти, меня теперь совсем не интересует политика.

— Все, Света, никто больше ничего не помнит, и тебя доставать по этому поводу не будет.

— Здорово! — восхитилась она, на этот раз, поверив сразу. — Вот так бы еще мои кредиторы забыли обо мне!

— Тебе стоит только попросить, и я сделаю, как хочешь, — изобразил я галантного кавалера.

Она задумалась, но потом все же тряхнула головой:

— Спасибо, не нет, я за честный бизнес, — еще подумала и добавила, — по крайней мере, пока.

И мы вместе посмеялись.

А когда она ушла, крепко расцеловав на прощанье, я, наконец, решил позвонить Ларисе. Надо было все же разобраться с собственными чувствами.

Следователь СК капитан юстиции Лаврентьева была по уши в работе, уже два месяца вся полиция города стояла на ушах, у них была серия, это наконец-то признали, по-

сле непродолжительной волокиты. Была создана межведомственная группа: МВД, ФСБ, прокуратура и, конечно, Следственный комитет. На счету убийцы было уже четырнадцать жертв, и, как убеждали психологи, убийца не остановится, у него уже сорвало все тормоза.

Как назначили на это расследование Ларису — целая история. Первым делом привлекли любимчика шефа подполковника Маслюченко — толкового следователя, спору нет, ему обычно поручались самые сложные дела, и обычно он блестяще справлялся. Но только опытный следак включился в работу, как сломал ногу, бывает такое, что поделаешь, причем перелом был какой-то сложный, со смещениями, сделали несколько операций и Масюченко прочно лежал в госпитале. И вот тогда, неожиданно для нее самой, Лаврентьеву вызывал шеф и поручил расследование ей. Для Ларисы это была и удача, и вызов, пусть она страшно боялась завалить все, но при этом была полна уверенности, что справится. А это такое дело, что за его расследование, пусть даже в составе группы, точно майора дадут, а Ларисе почему-то очередное звание задерживали, хотя сроки выслуги уже давно вышли. Но, с другой стороны, если она расследование завалит, то не видать ей больше громких дел до самой пенсии. Все это Лаврентьева хорошо понимала, поэтому дневала и ночевала на службе, выкладываясь на полную, и даже немного больше.

Маньяк (а что это именно маньяк, сомнений ни у кого не было) был умен и хитер, не оставлял никаких биологиче-

ских следов, при этом все его жертвы находили в самых людных местах, где всегда скопление народа. Причем появлялись они всегда внезапно: вот только что никого не была, а в следующее мгновение толпа шарахается в стороны от лежащего на полу окровавленного трупа. Камеры, которых всегда хватает в таких местах, ситуацию не проясняют, и на записях жертвы появляются тоже внезапно: вот, ничего нет, а вот есть, а экспертиза не выявляет никаких признаков монтажа.

Жертвы всегда молодые люди — парни и девушки восемнадцати лет, ни старше, ни младше. Поэтому, кстати, долго не хотели признавать серию. Оказывается, обычно маньяки, а это практически всегда мужчины, не выбирают своими жертвами молодых людей такого возраста. Если уж преступник специализируется на мальчиках, то это почти всегда дети или младшие подростки. А если маньяк поехал умом на женщинах, то мужчин быть не должно. Но здесь жертвы именно что чередуются, если сегодня был парень, то следующей обязательно будет девушка. Такая строгая педантичность для маньяков характерно, но причина такого выбора целей для целой группы психологов, привлеченных к расследованию, пока остается туманной. Они, конечно, выдвигают разные версии, однако Лариса уже понимает, что они сами в растерянности. Никаких сексуальных действий со стороны маньяка никогда не было замечено, все трупы всегда полностью одеты, аккуратно уложены, никаких повреждений, даже малейших, на телах не бывает, а смерть, по единодушному

мнению медэкспертов наступает от потери крови. Они все полностью обескровлены, словно выпиты до дна вампиром из фильмов-ужасов, вот только никаких следов от клыков или еще чего-то подобного нет. В общем, загадка на загадке и, несмотря на упорную работу всех ведомств, на аресты подозреваемых, надо признать, по большому счету следствие пока на нуле. Все подозреваемые идут в отказ, а потом находят следующий труп, и их приходится выпускать.

И за всеми этими служебными проблемами Ларисе даже удалось почти забыть об Олеге. Днем на воспоминания и страдания не было времени, домой она попадала поздно, уставшая и ни о чем, кроме сна, думать неспособная. И лишь во снах Олег приходил к ней, такой милый и ласковый, но почему-то всегда в этих снах их что-то разделяло, она тянулась к нему, но никогда не могла дотянуться. А он улыбался, качал головой и просил: не забывай меня, я скоро.

Первое время Лариса даже пыталась завести дело о пропаже человека, но после разговора с его матерью, поняла, что он жив, просто надо еще подождать, у него какое-то очень важное дело. Она, конечно, сильно злилась, много раз принимала решение забыть о нем, но сердцу не прикажешь... А потом это дело, и на страдания времени уже не осталось.

Когда заиграла мелодия входящего звонка, капитан Лаврентьева уставилась на дисплей с фото Олега и надписью «Любимый», не решаясь принять вызов. Но телефон звонил, и она решилась.

— Алло! — ее голос сорвался на какой-то писк.

— Здравствуй, моя хорошая!

Глава 4

Трубку долго не брали, наконец, когда я уже решил, что сейчас робот станет рассказывать про абонента не абонента, соединение прошло, и раздался такой знакомый голос Ларисы.

— Алло!

И здесь впервые после возвращения, мое сердце дрогнуло и я, сам не ожидая, сказал:

— Здравствуй, моя хорошая!

И тут же, не давая ей вставить ни слова, продолжил:

— Давай, я встречу тебя после работы и все-все объясню?

Лариса долго молчала и, наконец, ответила:

— У меня сейчас очень много работы, я могу освободиться поздно...

— Ничего, я дождусь! Ты мне, главное, позвони, когда освободишься?

— Хорошо, позвоню, — все же решилась она и тут же отключилась.

Ну и ладушки, мне, главное, разобраться в собственных чувствах, а там решу, как поступить. И для этого нужна личная встреча.

Встретились, поговорили, утром проснулись у меня и летали. А когда Лариса, приведя себя в порядок, появилась на кухне, я уже успел сварганить омлет и сварить кофе. Девушка, оглядев стол, удовлетворенно кивнула:

— Иди хоть руки помой, хозяйственный мой. И штаны заодно одень.

— Йес, мэм! — сделал я подобие стойки смирно и свалил из кухни. А пока занимался туалетом, раздумывал о результатах моего теста. По всему получалось, любовь моя никуда не ушла, но каким-то образом как бы отключилась, что ли... на то время, когда эти чувства меня только отвлекали бы от важного дела. Но стоило мне увидеть любимую, как все тут же вернулось, снова валом нахлынуло и поглотило.

А когда вернулся, бутерброды были намазаны маслом и укрыты сверху сыром.

— С колбасой бутики будешь? — спросила Лаврентьева.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался я, — колбасы не хочу.

И тут же впился зубами в бутерброд: все как я люблю — тонкий слой масла и тонко до прозрачности нарезанный сыр, но в два слоя, — откуда она знает, или наши вкусы совпадают? О чем я тут же и спросил.

— Не знала, — задумчиво ответила Лариса, — но сейчас я

словно бы поняла, как надо делать, чтобы тебе понравилось. Это опять какие-то твои магические штучки?

Здесь уже задумался я. Конечно, никаких телепатических от меня точно не было, но, возможно ли, что это получилось на уровне подсознания? Хм, все возможно, теоретически.

— Да вроде нет, не помню за собой такого.

И тут же сменил тему.

— А ты лучше расскажи, что тебя так заботит?

— Меня? — удивилась она.

— Мага не обманешь, — вздохнул я, — чувствую твой эмоциональный фон.

— И что же там, в этом моем... эээ, фоне?

— Там преобладающая озабоченность, была еще усталость, но ее я снял. Также присутствует нетерпение и... недоумение, что ли... нет, скорее — непонимание. Это если опускать твои романтические эмоции в отношении меня, что приятно, но сейчас не об этом. Какое-то сложное дело расследуешь?

— Ничего себе! — удивилась она. — Может, ты, и мысли мои читаешь?

— Хорошо бы, — я усмехнулся, — но, к сожалению, нет. А вот эмоции тебе от меня точно не скрыть. Поэтому давай, рассказывай, какие там у тебя проблемы?

А что? — подумала Лариса, — с его-то способностями, вдруг поможет? Что может быть сложного для волшебника или, как его там — мага? И тут же спросила:

— А чем волшебник от мага отличается?

— Понятия не имею, — ухмыльнулся я, — просто так называется дар. Но ты не переводи стрелки, рассказывай!

И она рассказала, говорила долго, вспоминая все новые и новые подробности и странные детали. А я внимательно слушал, не перебивая, и почему-то очень нехорошее предчувствие нарастало во мне. Слишком уж все было подозрительно, а не замешан ли здесь кто из адамов? Конечно, мне не раз говорили, что одаренный адам не может сойти с ума, дар не позволит, но ведь, если я правильно помню, маньяки совершенно необязательно сумасшедшие, да и что такое сумасшествие? И кто такой маньяк? Вот это я плохо знал, поэтому, когда Лариса закончила, решил уточнить.

— Лариса, а маньяк — это сумасшедший или нет?

— В том-то и дело, что нет. Хотя в кино серийные убийцы часто действуют по приказу «голосов» или видений, в реальности психозы со слуховыми и зрительными галлюцинациями выявлены у считанных единиц. Абсолютное большинство маньяков в мире и в России признаны полностью вменяемыми. Вообще, прямой связи между психическими болезнями и криминальными наклонностями нет. Тенденция, скорее, обратная: люди с психическими расстройствами гораздо чаще становятся жертвами насилия, а не агрессорами. Это нам психологи рассказали на специально посвященном этому вопросу совещании, чтобы мы понимали, с кем столкнулись.

— Зачем же тогда они это делают? — удивился я. — Ну, если они нормальные, а не психи?

— Нормальность — понятие не медицинское, как выяснилось, и очень растяжимое, зависит от социальных установок. Самый простой пример: в племенах каннибалов есть людей — это нормально, такая социальная установка.

Лариса помолчала и продолжила:

— Что касается причин, то это точно неизвестно. Но есть два типичных ответа на этот вопрос: чтобы отомстить жертвам за свои реальные или вымышленные унижения; либо чтобы получить сексуальное удовлетворение, недоступное иным путем. Оба объяснения только выглядят логичными, а на самом деле расходятся с фактами. Ведь месть предполагает злость и гнев, а эти аффекты несовместимы с сексуальным возбуждением. Как показывают эксперименты, они на биохимическом уровне подавляют половые функции. А представление о том, что все сексуальные преступники — это отвергнутые обществом неудачники, которые пытаются силой получить то, чего они лишены, эксперты считают одним из популярных мифов. На самом деле многие маньяки (например, Андрей Чикатило и «ангарский маньяк» Михаил Попков) имели семьи и вели активную социальную и половую жизнь. Еще одна теория объясняет мотивацию серийных убийц склонностью к сексуальному садизму. Но у всех этих объяснений есть общий недостаток. В их основе — представление о том, что сексуальным маньяком может быть только

мужчина. А это не так. Женщин среди таких преступников меньше, но они есть. По американской статистике, женщины составляют 16% всех серийных убийц и 5% сексуальных маньяков, и чем больше меняются социальные роли женщин в обществе, чем больше женщины заменяют мужчин в разных областях, тем процент женщин-маньяков увеличивается. К этому надо прибавить случаи, когда женщины совершают сексуальные убийства совместно с мужчинами... Однако в нашем случае, убийца не насильник и, похоже, даже не садист.

Лариса вздохнула и продолжила так, слово читала по бумажке, а, может, она и правда записывала лекцию, она ведь такая аккуратистка!

— Еще одно клише массовой культуры — образ маньяка-интеллектуала, эстета и ценителя ребусов. На самом деле выдающиеся интеллектуальные способности для серийных убийц — скорее исключение, чем правило. Самые популярные профессии среди маньяков: ремонтник, разнорабочий, водитель грузовика, менеджер склада, портье, охранник. «Ангарский маньяк» Михаил Попков работал оперативным дежурным, Чикатило — мастером производственного обучения. У сексуальных маньяков действительно часто встречается особенность восприятия: реальные события и собственные действия они видят отстраненно, как сцены на картине или экране. Но не благодаря развитому абстрактному мышлению, а из-за недостатка эмоционального интел-

лекта.

— Ты молодец, просто умница! — удивился я. — Специально заучивала?

— Это ты так подкальываешь? — Лариса ущипнула меня за руку.

— Ай! Нет, ты что, наоборот, восхищаюсь.

— Смотри у меня! Но, ты понимаешь, я хочу найти его, это для меня шанс показать себя.

— Или её.

— Что?

— Я говорю, может ли быть, что насильник не мужчина? Ты сама говорила, что по статистике встречаются и женщины-маньяки, пусть и гораздо реже.

— Теоретически, может, конечно, хотя статистически и менее вероятно, — пожала плечами Лаврентьева. — Учитывая, что силу к жертвам, такое ощущение, не применяли. Проблема в том, что мы не можем пока понять, каким образом их обескровили.

Я задумался, неожиданно в голову пришла мысль о том, а не может ли это быть очередным испытанием для меня на пути восхождения, или способом развития дара?

— Лариса, а ты можешь мне позвонить, когда будет обнаружена очередная жертва? Мне хотелось бы посмотреть...

— Хм, — она смешно сморщила носик, — в принципе я могу провести тебя как приглашенного специалиста...

— Это не обязательно, — я улыбнулся. — Я умею при-

ходить так, что меня просто никто не заметит, или все будут думать, будто я нахожусь здесь по полному праву. А могу сделать, и меня будут принимать за приглашенного мед-эксперта, я все же врач по образованию. И поверь, никто не усомнится, а потом и не вспомнят обо мне.

— А, ну да... — Лариса подозрительно прищурилась, — ты же у нас волшебник...

— Маг.

— Маг, — повторила она и добавила, — хорошо, я тебе позвоню.

И, словно услышав обещание позвонить, зазвонил ее телефон.

— Слушаю, — девушка внимательно выслушала. — Где? Скоро буду.

И, повернувшись ко мне:

— А вот и новая жертва.

— Поедем на моей? — тут же предложил я. Ну, не такси же ей вызывать, раз уж мы договорились? Свою-то машину она вчера дома оставила.

— Удобно ли это? — засомневалась она, быстро одеваясь.

— Не переживай, сделаю так, что все увидят такси, которое сразу уедет.

Она только покачала головой:

— Ладно, собирайся!

А что мужчине собираться, особенно когда на дворе теплый май? Краситься не надо, накинул штаны и футболку, су-

нул ноги в кроссовки — вот и готов.

Как и рассказывала Лариса, труп обнаружили в людном месте, прямо возле кассы универмага. По показаниям свидетелей он появился так внезапно, что женщина-покупательница, расплатившись за покупки и сделав шаг от кассы, чуть не упала, споткнувшись о лежащее на полу тело, которого секунду назад не было. Камера показала то же самое: на полу никого нет, а в следующий миг там лежит тело молодого человека, одетого в джинсы и яркую рубашку-поло с короткими рукавами, на ногах модные кожаные туфли.

Вокруг уже было много полиции и людей в штатском, но с характерным выражением лица. Я активировал режим невидимости, когда ничьи взгляды на мне не задерживаются, но теперь, будучи Магом, я сделал так, что и на камерах меня не будет. Хотя вряд ли кто будет просматривать записи после приезда опергруппы, но лучше перестраховаться, тем более мне совсем нетрудно.

Все сотрудники были заняты делом, кто-то опрашивал свидетелей, кто-то осматривал помещение, другие командовали, и к ним стекалась вся информация. Я подошел к двум экспертам — мужчине и женщине, копошившимся возле трупа, и потребовал так, словно имею на это полное право:

— Рассказывайте, есть что-то новенькое, чего не было на предыдущих трупах?

— Все то же самое, — ответил мужчина, ничуть не усомнившись в своих полномочиях. — Видимых повреждений нет и, судя по состоянию кожного покрова, труп снова обескровлен. Но это уже точно выяснится только при вскрытии.

Я кивнул и, поднеся ладонь к телу, поводил над ним. Действительно, никаких повреждений — ран, царапин, следов от уколов — ничего, даже странно: труп словно новенький, будто кто-то вырастил клон, одел его, а вот кровью забыл напитать. Интересно, интересно. Что еще? — Мужчина — человек, а не адям, с этим тоже понятно, но и плохо — не получится расспросить душу.

— Какие-то документы есть?

— Как всегда, — ничего, скорее всего, опять неопознанный труп.

Ничего себе, так ни одна жертва, получается, не опознана? Никто не знает, что это за люди и откуда взялись? Надо будет уточнить у Ларисы, а пока ясно одно: мне очень все интересно, и я, пожалуй, попытаюсь разгадать эту загадку, тем более что каких-то других дел у меня, получается, пока и нет.

Глава 5

И в этот момент я почувствовал, все еще держа руку над трупом, как от него словно бы отходит что-то, вроде нити, а одновременно пришло и понимание, что по этой нити можно пройти. И я пошел, вышел из магазина, сел в автомобиль и поехал. Долго крутился по городу, боясь, что нить оборвется, но она, наоборот, только укреплялась, став более... крепкой, чем даже в внутри здания. Очевидно, что след постепенно истончался, начиная от жертвы, и если бы я приехал на час позже, возможно, никакого следа и не почувствовал бы.

А так, — вот она, чистая адама, девушка, на вид лет где-то от двадцати, не больше, естественно, очень красивая (Фокусник же!), гуляет в парке с коляской, в которой лежит ее ребенок, не являющийся адамом. Скорее всего, — подумал я, — ей намного больше лет, раз она до дара Фокусника добралась. Как интересно, я и не знал, что есть еще Фокусники, помимо членов Совета. Впрочем, если подумать, они должны быть, мне говорили, в России нет ни одного Мага (кроме меня, понятно), а про Фокусников такого разговора не было, так что все возможно.

Не торопясь, я вышел из машины, еще не очень понимая, что буду делать, и направился к мамаше-убийце. А действительно, что делать? Сдавать ее полиции нет смысла, она же Фокусник (или правильно говорить — Фокусница?), с ее да-

ром никто из людей не сможет не осудить ее, ни даже предъявить обвинение. Ее просто выпустят очень быстро, а, скорее, даже арестовать не смогут. Ладно, попробую сначала выяснить, зачем она вообще убивает людей.

Подойдя поближе, я создал локальный пространственный сдвиг, в который поместил мамашу с ребенком, а потом вошел и сам. Женщина только взглянула на меня и сразу же попыталась создать иллюзию, вот только у нее, конечно, ничего не получилось. Дар Мага — это не просто очередная ступень, это прорыв на совершенно иной уровень возможностей, недоступный для предыдущих этапов Дара.

— Кто вы? — испуганно, но изо всех сил стараясь не показывать вида, что испугалась, спросила женщина.

— Меня зовут Олег, — представился я. — Адам уровня Маг, поэтому можете не стараться, ваши способности работать не будут до тех пор, пока я не захочу.

— Маг? — растерялась она.

— Давайте, сядем на скамейку и спокойно поговорим, — предложил я. — Ребенок ваш крепко спит, мы находимся на участке искривленного пространства, нас здесь никто не потревожит, но и вы отсюда выйти не сможете.

— Что вы сделали с сыном? — вскрикнула мамаша, и на этот раз нотки страха явственно проступили в голосе. Это понятно, материнский инстинкт — он такой. Поэтому я не стал уговаривать, просто захотел, и она успокоилась, расслабилась и покорно села на скамейку рядом со мной. Ну, не

просто захотел, конечно, но сделал, что нужно уже привычно и быстро. А заодно прочитал и всю информацию о ней, всплывшую перед глазами.

Итак: женщина, возраст – 94 года. Ничего себе! Впрочем, этого следовало ожидать, по рассказам того же Голицына, средний адам, примерно к этому возрасту, а обычно даже и позже, достигает возможности перейти на уровень Фокусника. Если достигает вообще, конечно. Получается, она еще и талантливая, ну, опять же, если не считать меня и моего папашу. А что так молодо выглядит... ну, а как еще должна выглядеть адама, идущая по лестнице благодати? Ладно, поехали дальше. Имя — Людмила Петровна Судакова, девичья фамилия — Студеная, уровень Фокусника взяла два месяца назад (наверное, поэтому я ничего еще не слышал о ней, не до того было). Замужем за обычным человеком, от которого и родила сына вот уже как почти четыре месяца тому.

— Я же сказал, Людмила Петровна, вашему сыну ничего не угрожает, он спит здоровым и крепким сном. В отличие от тех людей, который вы убили. Не расскажете, зачем вы это делаете, мне прям, очень интересно.

— А вам какое дело? — огрызнулась великолепно выглядевшая старушка.

Интересно, она даже не стала спорить, отнекиваться... Неужели, чувствует себя вправе делать то, что делает? Что-то я не слышал о таком праве адамов в отношении людей. Нет, Иван, помнится, говорил как-то, что в древности миром

правили адамы, но даже в этом случае, зачем убивать своих подданных?

— Понимаете, — я попытался подобрать уместное в этом случае обращение, но так и не придумал, поэтому продолжил, — госпожа Судакова, мне не нравится, когда людей убивают просто так.

— Ничего не просто так! И вообще, мало ли что кому не нравится!

Ясно, на контакт дамочка идти не желает. Я вздохнул, не хотелось давить на сознание, но лучше так, чем выбивать каждое слово. Так, вновь открыть описание и добавить туда честность и искренность передо мной. Ну а теперь попробуем сначала:

— Людмила Петровна, расскажите все подробно с самого начала, и, возможно, у вас получится убедить меня.

— Хорошо, я все расскажу.

Ну вот, совсем другое дело! Я приготовился внимательно слушать.

— Знаете, господин Маг, — начала она, — как только в свои двадцать пять у меня проснулся первый дар, все очень быстро стали говорить, что я талантливая. Действительно, уже через каких-то пятнадцать лет я взяла Лекаря, что, как вы наверняка знаете, считается абсолютным рекордом.

Судакова гордо взглянула на меня, а мне подумалось, насколько же я отличаюсь от остальных адамов. Если даже с учетом времени, проведенного у Вилоры, я перешел на сту-

пень Лекаря всего через пять лет, а для жителей Срединного мира прошло не больше года. Интересно, чья это заслуга — моих родителей или, может, того уникального генотипа, что достался мне от многих поколений моих чистых предков? Но мне стало немного больше понятна ее наглость: она считает себя талантищем и уверена, — никто и слова против не скажет, все простят ради ее стремительного восхождения. Гордыня... в христианстве считается матерью всех грехов. А еще гордыня часто сопровождается глупостью, вот, с чего она взяла, что кто-то обрадуется ее успехам, кроме мамы с папой? Судя по моему опыту, все ровно наоборот.

При этом согласно кивнул, не желая разочаровывать собеседницу. А она все говорила и говорила, словно получила, наконец, возможность выговориться первый раз в жизни. Возможно, так оно и было.

— Жила, как живет большинство адамов моего круга, вот только с замужеством не везло. Сами понимаете, чистых адамов так мало, что выйти замуж за такового — это даже не удача, это фантастическое везение.

Я кивал и слушал, думая, не стоил ли прервать ее душевные излияния, чтобы перейти уже к сути дела, но решил все жене перебивать: вдруг услышу что-то интересное? Я ведь, по сути, этакий отщепенец, никогда не участвовал во всех этих перипетиях жизни сообщества адамов, меня сразу поволокло все выше и выше. Да и родители у меня не такие, как, наверное, у остальных из нашего племени: отец — Ге-

ний, а мать, похоже, вообще себя адамой не считает, до сих пор не могу разобраться, что у нее в голове.

Я отвлекся от своих мыслей и вновь прислушался к тому, что рассказывает убийца, чуть отмотав время назад, к тому моменту, когда я перестал следить за рассказом, погружившись в свои мысли. Как же все-таки это удобно, до сих пор удивляюсь своим новым возможностям.

— В конце концов, поддавшись на уговоры родителей, вышла замуж за одного нечистого адама, чтобы, как выражалась мама, соблюсти видимость приличий. Понятно, нормального, в смысле — чистого потомства у нас быть не могло, но мне твердо обещали, что обязательно подберут адама, так сказать, для разового употребления. Знаете же, в нашем обществе эти случки ради детей не считаются изменой, поэтому муж изначально был не против, уж не знаю, что он при этом испытывал, мне было самой до себя. Но время шло, у нас родилась двойня: две дочки — адамы без надежды на дар, но разве это помеха родительской любви!

Она задумалась и замолчала, а я не прерывал, вспомнив в этот момент о своих детях, двух пацанах — чистых адамов в мире лилит. Надо будет как можно быстрее навестить Светку-царицу и лично выяснить, что там и как. Во-первых, я обещал, а, во-вторых, мне и самому не терпелось взглянуть на детей. Я спокойно подумал, что не испытываю сейчас никаких родительских чувств, вообще ничего, кроме интереса. Собственно, откуда бы чувствам взяться? Женщинам этого

не понять, поскольку они в процессе задействованы всецело, у мужчин же все не так. Для нас есть только очередная близость, после которой нам вдруг объявляют о беременности. Одно дело, когда это твоя жена, вы любите друг друга, у вас семья, и ребенок долгожданный, и совсем другое дело, когда это была случайная, как выразилось Людмила, случка и о ее беременности ты узнаешь так, словно тебе мешком по голове вдали. Как рассказывала мне бабушка, адам, от которого забеременела женатая адама, не считается отцом ребенка, которого в этом случае признает как своего родного законный муж, согласно негласному кодексу адамов, находящихся практически в процессе вымирания как вида, пусть это еще и продлится очень долго, возможно — столетия. Кажется, это называется левиратный брак, вернее, назывался так у древних народов, живших родами и кланами. Согласно этому обычаю, ребенок, рожденный от союза вдовы одного брата и следующего брата, считался потомком первого и продолжал его род, который в противном случае прервался бы.

Судакова вздохнула и, оторвавшись от собственных воспоминаний, продолжила:

— Так и не довелось мне стать матерью одаренного ребенка, пусть даже не чистого. А мужа своего я никогда не любила, он тоже особых чувств ко мне не испытывал, постоянно изменял, на что я и внимания не обращала. Все равно у нас с ним близости после рождения детей больше не было, я так решила, но родительский долг мы выполнили — дево-

чек воспитали, выучили, замуж выдали, одну даже за адама, правда, тоже, как и муж, не чистого. Но какая разница в ее случае, правда? А потом тихо развелись и зажили каждый своей жизнью. Тем более, дар Лекаря сделал мою жизнь намного интереснее и разнообразнее. Не знаю, как у вас, Олег, — она посмотрела на меня, — но мне никогда не нравилось быть Скульптором.

— Почему? — удивился я. Мне, наоборот, было по приколу этим заниматься, и я даже сейчас порой вспоминал то время с чем-то вроде ностальгии. Это было какое-то чудесное время, почти беззаботное, я каждый день открывал для себя что-то новое.

— Не знаю, — женщина покачала головой. — Нет, так-то здорово, конечно, саму себя я довела до внешнего совершенства, но что дальше? Лепить сиськи богатым бабам, да увеличивать члены не менее богатым мужикам? Увольте от такого удовольствия!

Судакова поморщилась и даже передернула плечами, словно вспомнила что-то отвратительное. А я все же решил поторопить ее.

— Что было дальше, Людмила Петровна?

Глава 6

— Дальше? Дальше жила, лечила людей, разбогатела на этом, понятно. Вот это уже мне нравилось, в детстве мечтала стать врачом, но не сложилось, — она мечтательно улыбнулась. — А потом... потом встретила его, мужчину своей мечты, даже не думала, что такое возможно, меня словно накрыло с головой, я словно в омут провалилась.

Она удивленно покачала головой.

— Понимаете, со мной такое случилось первый раз в жизни, — я влюбилась в простого человека, молодого парня, да так, как никогда в жизни ни в кого не влюблялась. Мне даже казалось, что я вообще неспособна к любви, родилась такой холодной, а тут... Конечно, в любой момент я могла это прекратить, развеяв любовный коктейль в своей голове, но мне совсем не хотелось этого делать. Наоборот, хотелось длить и длить это чувство, не давая ему ни развеяться, ни даже потускнеть. Более того, я даже усилила его и у себя, и у него. Не знаю, пробовали ли вы хоть раз проделать нечто подобное, но мне раньше это и в голову не приходило. — Людмила весело рассмеялась.

— Праздник длился и длился, да он и сейчас не закончился, я вообще собираюсь длить его очень долго. Зачем лишать себя такого удовольствия?

Она опять рассмеялась, потрясла головой.

— Извините, пожалуйста, как вспомню о муже, не могу сдержаться, я так счастлива! И если бы...

Женщина нахмурилась и понурила голову.

— Когда родился Кирюша, часть любви, конечно, перешла к нему, но и любовь к супругу никуда не делась... А потом, копаясь на чердаке в доме бабушки, нашла эту книгу.

— Книгу? — вскинулся я, резонно предположив, что розовые сопли, наконец, подошли к концу, и мы переходим к сути.

Судакова странно посмотрела на меня и спросила:

— А вы никогда не слышали о том, как из простого ребенка, если мать у него чистая адама, а отец человек, сделать чистого адама?

— Что? — удивился я, хотя подсознательно уже ожидал услышать что-то этакое. — Нет, не слышал.

— Во-от, — протянула она, — и никто не слышал. Бабушка, как выяснилось, эти старые книги даже не смотрела, они, как она припомнила, еще со времен ее прадеда там валяются. То есть, можно сказать, это знание давно забыто.

— Расскажите? — ненавязчиво поинтересовался я, хотя понимал, что — куда она денется, расскажет все как миленькая. А если надо, то и покажет, хотя смутные подозрения уже овладевали мной, правда, я пока не понимал, как такое возможно.

— Да все просто, — ее голос потускнел, а сама она понурилась. — Нужно слить всю кровь до последней капли у

людей любого пола в их восемнадцатую весну, при условии, что доноры являются девственными, а потом в этой крови искупать ребенка, чья мать является чистой адамой, и чей возраст не достиг еще шести месяцев от роду. Кроме этого, кровь понемногу надо добавлять в питание младенца.

Я молчал, пораженный до глубины души разницей между ужасом услышанного рассказа, и спокойным тоном, с которым все это было озвучено. А убийца, замолчав на секунду, вдруг с жаром заговорила:

— Самое трудное было выполнить условие о том, что ни капли крови не должно оставаться в доноре. Вы знаете, так слить кровь, чтобы совсем ничего не осталось, невозможно. Мне пришлось выжимать досуха каждый орган с помощью дара, но, как ни странно, это помогло мне перепрыгнуть на ступень Фокусника! Еще одна трудность заключалась в том, чтобы найти среди современной молодежи девственников в восемнадцать лет, это просто ужас какой-то, вы представляете, оказывается, это такая редкость! С девушками еще как-то проще, надо было лишь проверить картотеку в гинекологии, да и то некоторые, как выяснилось, уже успели подсушиться после последнего посещения врача. А вот с парнями была сущая мука, пришлось просеивать, как муку сквозь сито. Хорошо еще, девственников среди них оказалось не так уж и мало, да что там — большинство!

— А потом? — холодно спросил я, но она, кажется, даже не заметила моего тона, увлеченная рассказом.

— Потом я полностью их переделывала так, чтобы никто не смог опознать: ни по отпечаткам пальцев, ни по генетическому анализу. Пусть лучше у родителей останется надежда, что они найдутся, с надеждой-то легче жить.

Надо же, — вяло удивился я, — какая трогательная забота о родителях, я щас заплачу. Но что же мне с ней делать?

— Ну и как? — даже немного удивился, услышав свой спокойный голос. — Действует рецепт?

— А как сейчас определишь? — покачала головой Судачкова, — Но в книге сказано, что подействует только после двадцать пятого купания, а результат будет виден, как и всегда — когда ребенку исполнится двадцать пять лет. Думаю, это как-то связано, ну, там двадцать пять, и здесь двадцать пять, как вы считаете?

Охренеть! Результат, возможно, проявится через двадцать пять лет, но она настолько в это верит, что уже угрохла четыр..., а нет, уже пятнадцать человек и намерена убить еще десяток.

— Людмила Петровна, — я уставился ей прямо в глаза, — а вам совсем этих девушек и парней не жалко? Вы же сама мать троих детей, как решились на такое?

— Они всего лишь люди! — неожиданно взвизгнула она. — Они все равно умрут, жизнь человеческая коротка, а за порогом смерти их ничего не ждет. Я просто немного ускорила неизбежный финал!

И здесь я окончательно убедился, что она не в себе. Бо-

лее того, даже почти догадывался, что именно с ней случилось. Скорее всего, с ума ее свели бесконечные дозы дофамина и окситоцина в подкорке головного мозга, отвечающие за состояние счастья при влюбленности. Этот отдел мозга возбуждается при этом так же, как и под действием кокаина. Также активизируется хвостатое ядро, которое ответственно за желание получить награду, приступить к энергичным действиям. В среднем, влюбленность у обычного человека длится два года, постепенно спадая. Но если в течение нескольких лет ее постоянно держать на максимуме, еще и усиливая, как это делала Судакова, то, скорее всего, она, во-первых, уже давно наркоманка, а, во-вторых, очевидно, произошли какие-то изменения в коре головного мозга. Проверим!

Я мгновенно усыпил ее, скорее даже перевел в состояние глубокой отключки, и осторожно уложил на скамейке. Быстро глянул в коляску, ребенок все также глубоко и спокойно спал, — потом вернулся к сумасшедшей убийце и положил руку ей на голову. Мог бы, кстати, этого не делать, но уже привык, как-то это кажется правильнее, что ли?

Ну, вот, все, как я и подозревал: характерное для наркоманов уменьшение объема серого вещества, особенно в префронтальной коре, что влияет на когнитивные функции и поведение, гиппокампе (это уже обучаемость и память), и миндалин, отвечающих за эмоции. Это все связано с гибелью клеток, сокращением дендритов и синаптических связей, и нарушением проведения нервных импульсов. Пострадал уже

и гиппокамп, ответственный за память и ориентацию. В целом, налицо нарушения в дофаминовых отделах мозга и в мезолимбической системе, — как называется один из дофаминергических нервных путей, связывающий вентральную область покрышки среднего мозга и черную субстанцию с различными структурами лимбической системы. Похоже, у бабули шизофрения. Как интересно, во мне проснулся Лекарь, учитывая, что среди адамов, как я был уверен, сумасшедших, как и наркоманов не бывает: и тому порукой мощнейшая регенерация организма на всех уровнях. При этом передо мной сейчас наглядная картина, что может случиться, если долго и целенаправленно эти защитные механизмы подавлять.

Внимательно изучив ее воспоминания, я хмыкнул: никакой древней книги не существует, это самый настоящий бред шизофреника, а то, что она тщательно прячет ото всех, считая древней книгой — учебник истории за пятый класс, еще советский.

Я все очень тщательно почистил, что-то убрал, что-то вырастил заново, после чего вписал в ее код-описание запрет на убийства, а также повысил моральную составляющую. После чего взглянул на лежащую передо мной женщину и задумался, что же теперь делать. Ведь она убила пятнадцать человек, и это уже не отменить.

Сдать ее полиции? А смысл? Кто из людей сможет удержать Фокусника? Может, сдать ее Совету адамов, пусть они

с ней разбираются? Это, конечно, правильно, я так, пожалуй, и сделаю. Но что сказать Ларисе? — Не переживай, преступник найден и обезврежен, больше убийств не будет, но и сдать его вам не получится? Так что, дорогая, скажи там, пусть дело закрывают и сдают в архив? Ох, ладно, что-нибудь придумаю,

Или? Я ведь умею работать со временем... Но сначала разберусь с преступницей, где-то у меня был телефон Голицына.

— Добрый день, Михаил Валерианович! Надеюсь, у вас все в порядке?

— Здравствуй, Олег! Все могло бы быть лучше, но лучше некуда, — отшутился тот. Кроме того, что за тобой должок.

— Не понял, — удивился я, — какой еще должок?

— Ну, как так-то, Олег! Юля, дочка моя, на днях замуж выходит, а ты обещал с детками помочь! Надеюсь, ты свое слово сдержишь, мы все на тебя очень надеемся. Понимаешь, ты должен быть первым, ну, на всякий пожарный, понял, да?

Бли-ин, ну вот нафиг оно мне надо, а? Только у меня с Ларисой опять все наладилось! С другой стороны, я вспомнил наказ бабушки, это вроде как моя обязанность, традиция и долг чистого адама. Вздохнув про себя, ответил:

— Я помню, Михаил Валерианович, и не отказываюсь. Позвоните мне, когда будет нужно, все сделаю. Но сейчас у меня к вам есть дело, как к члену Совета адамов России.

— Слушаю.

— Понимаете, у меня здесь преступница из наших, убила уже пятнадцать человек, ее все спецслужбы ищут. Но дело в том, что она Фокусница, смысла сдавать ее в полицию, сами понимаете, нет. Хочу, чтобы Совет с ней разобрался, есть же у вас какие-то санкции на такой случай?

— Есть, как не быть, — жестким голосом ответил Голицын. — Ты где? Мы сейчас приедем.

Я назвал координаты и принялся ждать. И пока ждал, попробовал поэкспериментировать со временем.

Дело это оказалось совсем непростым. Взяв Судакову за руку, попытался настроиться на волну ее памяти, но ничего не вышло. Пытался раз за разом, но все бесполезно. Ладно, попробуем иначе. Я разбудил Людмилу и тут же, не дав ей продрать глаз, ввел в состояние транса — что-то вроде гипноза, но гораздо более сильное и управляемое с моей стороны.

— Людмила Петровна, вспомните последнее убийство, тот момент, когда вы уже выбрали жертву и решились провести с ней операцию.

Что такое память? — То, что мы называем этим словом, состоит как минимум из трех компонентов: сенсорной па-

мяти, рабочей памяти и долгосрочной памяти. Сенсорная память представляет собой такой приемник информации из окружающей среды. Она включает подсистемы для каждого из наших чувств, а также характеризуется короткой длительностью хранения. Рабочая, или оперативная, память более активна: она вмешивается в краткосрочное хранение и обработку информации, имеет небольшую емкость и может содержать ограниченное количество элементов информации. Долгосрочная память — это конечный этап системы, куда информация переходит для длительного хранения и остается там в течение продолжительного времени. Долгосрочная память обладает практически неограниченной емкостью и может содержать данные о наших знаниях, опыте, событиях и навыках. Этот тип памяти делится на два подтипа: декларативную, или фактическую, память, которая относится к хранению фактов и событий, и процедурную, или навыковую, память, которая отвечает за запоминание навыков и процедур.

Каждое воспоминание состоит из сенсорных, эмоциональных и поведенческих компонентов, которые активируют взаимосвязанные нейронные сети. Сенсорные воспоминания возникают в результате обработки сенсорной информации, поступающей от органов чувств. Они кодируются в виде нейронных паттернов, представляющих характеристики сенсорного стимула. Эти воспоминания хранятся в первичных и вторичных областях коры больших полушарий, где

они могут быть активированы соответствующими стимулами.

Эмоциональные воспоминания связаны с активацией лимбической системы и гиппокампа, которые отвечают за кодирование и обработку эмоциональной информации. Эти области мозга также участвуют в формировании ассоциативных воспоминаний, когда информация связывается с уже существующими воспоминаниями. Поведенческие воспоминания представляют собой накопленные знания о том, как выполнять определенные действия или реагировать на внешние стимулы.

Глава 7

Как и в случае с предыдущими дарами, знания в нужной области открывались мне таким образом, словно я знал об этом всегда. Самое трудное, что предстояло, — это выловить нужную картинку из памяти Судаковой и попытаться за нее зацепиться.

Перед глазами словно бы закрутилась кинолента, прокручиваемая в обратную сторону, но так быстро, что я не успевал схватывать отдельные детали, только общую направленность. Солнце, такое впечатление, пронеслось над головой от заката к восходу, мелькнула луна, но, может быть, это разыгралась моя фантазия. Но вот мелькание лиц и образов прекратилось, и я увидел перед собой дверь, обычную дверь на лестничной клетке обычного дома. Я смотрел на нее и понимал, что делаю это глазами Судаковой, я словно бы слился сейчас с ней, чувствовал, как она (я?) сосредоточена и готова к действию. Уже почти час, оставив ребенка с мужем, отпросившимся ради этого с работы (разве трудно все это устроить Фокуснице?), она наблюдала за нужной парадной, ждала, пока родители парня уйдут на работу. Судакова знала, он сам пойдет на занятия в универе позже, обычно, вообще ко второй паре, не очень-то усердный студент, прямо скажем. Значит, — подумала она, — плохой бы специалист из него получился. Но ничего, мамочка все исправит, нечего таким,

как он небо коптить, зато ее сыночка принесет этому миру гораздо больше пользы.

Так съехавшая с катушек Фокусница объясняла для себя убийства, даже больному человеку необходимы какие-то оправдания, какая-то система, пусть даже чудовищная и зияющая черными дырами, но для него выглядевшая стройной и, главное, — оправдывающей его действия некой высшей целью. А то, что цель эту она сама для себя выдумала, не имеет никакого значения, женщина истово верила, будто ее действиями руководят высшие силы, может, сам Демиург, у которого на ее сына особые планы. Именно поэтому он должен стать чистым адамом не по рождению, а по высшему изволению. Вот так и никак иначе.

Сейчас она позвонит, этот дурачок откроет дверь, даже не поглядев в глазок, так она выстроила линию своей фантазии, а потом сам же поможет ей сделать все тихо и быстро. Потом фантазия распространится на магазин, скорее всего, тот, что она хорошо помнит, и там оборвется. Обескровленный и преображенный труп появится в реальности у кассы и... все, дело сделано. Идеальное преступление, никаких зацепок, ни единого следа, труп останется неопознанным, и однажды, вместе с остальными бывшими и будущими подобными делами, его сдадут в архив. Не закроют, говорят, такие дела не закрывают, но по факту никто уже не будет искать. Наверное, свяжут с двадцатью пятью пропавшими девушками и молодыми людьми, но версия, конечно, не подтвердит-

ся, ведь она сделает так, что не подкопаешься, она умница, она лучшая.

Людмила протянула руку к звонку, но здесь вмешался я, отдернул руку назад, взяв контроль над телом, развернул его в сторону лестницы, прописывая в ее памяти категорический запрет на любые подобные действия. Точнее, попытался это сделать, но в этот момент что-то сверкнуло перед глазами, голову пронзила страшная боль, а в следующий миг я обнаружил себя катающимся по земле и кричащим от боли на асфальте около скамейки в парке.

А как только осознал свое положение, да и самого себя, тут же, уже практически на автомате заблокировал центры боли и прошелся по телу исцеляющей волной. Но тело оказалось в порядке, вся боль сидела в голове, точнее — в мозге, словно по нему ударило током и чуть не поджарило. Не пытаясь подняться, направил исцеляющую волну в голову, по крупинкам выдавливая пусть уже и не ощущаемую, но осознаваемую боль.

Фух! Наконец-то отпустило, но что это было, с чем я столкнулся? Удалось мне или не удалось предотвратить убийство? Я оглянулся, все оставалось по-прежнему: ребенок спал в коляске, его мать лежала на скамейке, погруженная в транс, в смещенном пространстве парка ни одной живой души. Поднявшись и наспех отряхнувшись, ощутил интерес за границей временного пузыря, скрывавшего нас с убийцей. Ага, прибыли члены Совета — Голицын, Барятин-

ская и Оболенский! Я сделал проход и пригласил их внутрь.

Барятинская мне величественно кивнула, словно оказала честь, а Михаил с Иваном пожали руку.

— Это и есть преступница? — спросила Татьяна, не утруждая себя формальностями. — Она без сознания?

— В гипнотическом трансе, — не стал скрывать я.

— Что, решил посмотреть воспоминания? — это уже Иван.

— Да, — кивнул я, не став рассказывать о своей неудачной попытке изменить прошлое. Сначала надо было самому разобраться, что там случилось, почему и каким образом. В любом случае не все можно говорить тем, кто на низшей ступени. Чистосердечное признание — это хорошо, но факты из памяти сойдут за доказательства.

— Ты сказал, что она сошла с ума, как такое возможно? — Поинтересовалась Барятинская.

Пришлось еще раз пересказать все, что узнал, по глазам видя, как им интересно. Хотел спросить, сталкивались ли когда-то с подобным, но не стал, голова сейчас была забита другими вопросами. Следовало побыстрее отделаться от этой Судаковой, и сосредоточиться на проблеме.

— Хорошо, — наконец, Голицын пожал мне руку. — Спасибо за работу и за то, что сразу сообщил нам. Теперь она наша забота, будем решать проблему.

На что я лишь кивнул, у меня груз с плеч свалился, так мне не хотелось решать судьбу преступницы. Пусть этим за-

нимаются люди, облеченные всеми полномочиями. Меня совсем другое сейчас заботило: что случилось со мной там, в прошлом? Неужели, это само время сопротивляется изменению, и можно ли как-то это обойти?

Поэтому, когда они уехали, забрав с собой Судакову и ребенка, я облегченно откинулся на спинку скамейки и попытался размышлять о произошедшем со мной в фантазии Судаковой. Но сначала позвонил Ларисе.

— Привет! Как дела?

— Ох, — вздохнула та, — лучше не спрашивай. Начальство стоит на ушах, а мы носимся, как наскипидаренные бо-бики. Труп увезли, сейчас все осматриваем и опрашиваем свидетелей. Так что работы по горло, пока не звони, я сама наберу, как освобожусь. Впрочем... — в ее напряженном и усталом голосе появилась искра интереса, — ты что-то узнал?

— Нет, — с сожалением соврал я, — но как только, так сразу!

— Тогда, — ее голос понизился до шепота, — целую, люблю, скучаю, пока!

— Аналогично, — ответил я, но уже в пустоту отключенной связи.

Значит, ничего не вышло, а жаль. Остается утешать себя тем, что больше Судакова не совершит ни одного убийства. Надеюсь, целая куча Фокусников справится с этой талантливой сумасшедшей.

Я вновь откинулся на спинку скамейки и создал вокруг себя небольшой пузырь измененного пространства, захватывающий и скамейку, и меня самого. Мы словно бы сдвинулись чуть вбок, не знаю, как правильно объяснить. В реальности скамейка сейчас стояла пустая, и меня на ней нет. Но в чуть-чуть смещенной реальности сидел я на такой же скамейке, а меня никто не видел, вокруг не было людей, только парк и птицы — куда же без них!

Еще раз скользнув по сохраненному в памяти следу на этот раз я уже сам, а не в теле Судаковой, оказался на той самой лестничной клетке. Стояла тишина, лишь с улицы доносился городской шум, приглушенный окнами парадной, практически не замечаемый, привычный. Для жителя мегаполиса это и называется тишиной.

Помню, в детстве поехали мы с дедом на рыбалку, он был заядлым рыболовом, а я так и не пристрастился к такому виду отдыха. Мне было лет семь, думаю, или восемь, в общем, это был первый мой выезд за город, родственников-то в деревне у нас не было, к которым бы на лето меня отправляли, как это было с некоторыми пацанами из нашего двора. Сначала долго ехали на электричке, потом долго шли через поле и перелесок, прежде чем вышли к неширокой речке, как я сейчас думаю, метров с пятнадцать в ширину или немного больше. И пока шли, я долго пытался понять, что не так. Чего-то не хватало, но я никак не мог сообразить, чего именно, когда вдруг понял: нет привычного фонового шума, вокруг

стояла тишина, показавшаяся мне тогда просто оглушительной. Конечно, пели птицы, жужжали летающие над полевыми цветами шмели, легкий ветерок чуть колыхал листву, но все это лишь подчеркивало, словно висящую вокруг тишину. Помнится, меня поразило тогда это до глубины моего детского сердца.

Сейчас, конечно, все было не так, тихо было именно погородскому, однако я воспринимал это как полную тишину. И что же мне делать, почему нет Судаковой? Все уже случилось, и я опоздал или, наоборот, переместился слишком рано?

Потоптавшись, решил и позвонил в уже знакомую по предыдущему погружению дверь. И дверь открылась почти сразу, без всяких «кто там?». Парень, открывший дверь, удивленно посмотрел на меня, а я обратил внимание, насколько он не похож на найденный в магазине труп. Судакова и правда постаралась, действительно, родная мать не признает. Впрочем, я знал, что для Фокусницы это нетрудно.

Попытался оценить молодого человека, одновременно читая описание. Парень как парень, среднего роста, то есть, пониже меня на полголовы, не красавчик, но и не урод, вполне себе симпатичный на любителя, а кому-то, наверное, покажется и вполне себе ого-го. Но здесь лучше женщинам оценивать. А что девственник, так я вот вообще только после двадцати пяти удостоился и ничего, не помер. Правда, у меня были большие проблемы с внешностью, но, думаю, тут

уж как у кого сложится, у каждого своя планида, как иногда вычурно выражалась бабушка, словно специально коверкая язык. Подозреваю, что в восемнадцать лет большинство парней еще девственники, несмотря на публичное хвастовство.

А, ну-ка! Мне ведь теперь доступна справка, как я ее называю, что-то типа запроса в интернете, главное — сформулировать вопрос, и в голове возникает подробный ответ на основании, подозреваю, доступных источников. Очень удобно, кстати, рекомендую, а-ха-ха! Так, спокойно, что у меня здесь? — Ага, средний возраст потери девственности для обоих полов в России — девятнадцать лет, но это зависит от региона проживания, религии и образа жизни. Ну, это понятно, когда ты стеснительный ботан, то надежда у тебя только на будущую жену, если, конечно, тупо не повезет до этого.

Парень на ботана не похож, следовательно, Судакова подсуетилась вовремя, студент уже на статистическом пороге, и в любой день может его перешагнуть. Вот, и девушка у него есть, — опять вчитался я в описание, — однокурсница. Ладно, а чего мы, собственно, стоим? И в этот момент Кирилл (так звали студента) произнес:

— Проходите, пожалуйста!

Оп-пачки, тревожный сигнал впился в подкорку: что-то здесь не так. С чего ему меня, совершенно незнакомого человека, приглашать в квартиру? Я ему даже не представился и никак на него не воздействовал... Но общая расслабленность от последних успехов сделала свое черное дело, я ре-

шился, парень улыбнулся и почтительно посторонился. Стоило мне сделать шаг и нога, вместо того, чтобы опереться о пол прихожей, куда-то провалилась. Я попытался удержать равновесие на одной ноге, но вес тела уже перенесен вперед, и я стал падать в сомкнувшуюся вокруг темноту.

Гений прошел в участок измененного пространства так, словно не видел в этом никаких препятствий, пространство услужливо распахнуло свои двери перед ним, будто швейцар в дорогом ресторане. Он сел рядом с мертвым телом Олега Виноградова, немного посидел, словно наслаждаясь видом старого парка, потом улыбнулся своим мыслям, встал, легко подхватил бездыханное тело, шагнул вперед и исчез.

Впрочем, исчез он лишь из парка, мимоходом, движением брови ликвидировав аномалию, а шагнул прямо в квартиру Олега, где, пройдя в спальню, уложил труп на кровать. Потом что-то сделал с самой спальней, так что время в ней застыло, постоял, осматриваясь, щелкнул пальцами и исчез уже окончательно.

Глава 8

Я висел в чем-то, где-то... трудно обозначить мое состояние. Вокруг не было ничего, вообще ничего, за что мог бы зацепиться глаз. Глаз? Я попытался нащупать рукой глаза и понял, что нет у меня никакой руки, как и вообще тела.

Странно, если я умер... я видел души умерших людей, они имеют что-то вроде тела. Хотя я, конечно, понимаю, что это лишь проекции, миражи, одна видимость, но все же. А здесь — ни-че-го. Где обещанное посмертие? Или я все же не умер? Тогда, что со мной? Я постарался сосредоточиться, понять хоть что-то, попробовать описать для самого себя это место или... состояние? Вы понимаете, что такое ничего?

Вокруг нет ни света, ни тени, ни звука, ни запаха, ни даже ощущения времени. Это не темнота, поскольку темнота — всего лишь отсутствие света в среде, которая могла бы его отразить. Это не тишина, ведь тишина лишь пауза между звуками. Это абсолютное не-бытие, где даже само понятие «пространство» теряет смысл.

Вокруг не чернота и не белизна. Нет горизонта, нет линий, нет перспективы. Нет «вверху» и «внизу», нет «слева» и «справа». Сознание не находит точки опоры, потому что нет ни одной точки вообще. Даже слово «перед» здесь ложно — нет ни «перед», ни «зад», ни «рядом». Это как смотреть в зеркало, которое отражает само себя, и понимать, что и зер-

кала тоже нет.

Это не черный квадрат (квадрат — форма, а форма — уже нечто); не белый холст (белый — цвет, а цвет — сигнал); не туман и не мгла (они состоят из частиц, а здесь нет ничего). Отсутствие образа как такового.

Если сказать об ощущениях, то нет температуры — ни жара, ни холода, просто нет среды, которая могла бы передавать тепло; нет давления — ни легкости, ни тяжести, ибо нет силы, действующей на тело (?); нет дыхания — ибо нет воздуха, нет движения, нет самого процесса вдоха и выдоха; нет тактильности — ни прикосновения, ни сопротивления, ни текстуры.

Тело... тело лишь воспоминание. Нет ощущения кожи, мышц, костей. Нет веса, нет объема, я здесь не «нахожусь», даже не могу сказать, что меня здесь нет, потому что «здесь» и «меня» — тоже нет.

Тишина здесь не молчалива, как тогда, с дедом у реки, нет — тишина просто не существует. Похоже, нет среды для распространения волн, нет источника звука, нет уха, чтобы слышать.

Время не течет, не стоит, не замерзает. Оно отсутствует как категория, как понятие. Нет «раньше», нет «потом», нет «сейчас». Нет смены состояний, нет причин и следствий. Все — и ничто — происходит одновременно, но и это «одновременно» — лишь слово, лишенное смысла.

В этой пустоте нет страха, поскольку страх требует объек-

та. Нет одиночества, ибо одиночество предполагает наличие «я», которое одиноко. Нет покоя, ибо покой — это состояние, а здесь нет состояний.

Это не ужас и не блаженство. Это отсутствие переживания как такового. Я не чувствую ничего, потому что даже «не чувствовать» — это уже некое действие, а здесь нет действий.

Повторю, это как зеркало, в котором не отражается ничего, потому что нет ни зеркала, ни того, что могло бы отразиться. Это абсолютный предел отрицания, за которым уже не остается даже самого отрицания.

Я понял, что растворяюсь в этом ничто, пытаюсь ухватиться за кончик мысли, но он ускользает из моих... что?

Теплый майский день 1975-го, почти закончен первый мой класс, а впереди — целое лето отдыха, настоящие каникулы! И сегодня мой восьмой день рождения, я уже почти второклассница. Во дворе нашей хрущевки пахнет топодем и свежескошенной травой. Светит солнце, и его лучи играют на хромированных деталях — новенький, сверкающий велосипед стоит посреди комнаты, будто сказочный конь из сказки.

Я замираю на пороге, тереблю подол юбки, сердце коло-

тится где-то в горле — не верю своим глазам. Это мой велосипед! Не соседский, не дворовый, а мой собственный — с высоким рулем, блестящим звонком, кожаным сиденьем и маленькой корзинкой спереди.

Я подхожу на цыпочках, словно боясь спугнуть чудо. Провожу ладонью по прохладной раме — металл отзывается тихим, почти музыкальным звоном. Трогаю педали: тяжелые, но такие манящие. Осторожно надавливаю — сиденье чуть пружинит, пахнет новой кожей и счастьем.

Мое сердце переполняет восторг, горячий и колючий, как пузырьки лимонада: «Он мой! Мой собственный!» — мысли скачут, слова путаются.

Трепет — вдруг сломается? Вдруг я не сумею? Руки слегка дрожат, когда берусь за руль.

Гордость — вот, сейчас я выйду во двор, и все увидят: у меня теперь есть велосипед! Даже старший Васька из третьего подъезда позавидует.

Нетерпение — хочется сразу, сию секунду рвануть вперед, чтобы колеса загудели по асфальту, а ветер ударил в лицо. Чуть-чуть страха — а если упаду? А если не удержу равновесие? Но это мимолетно, как тень от облака.

Солнце отражается в никелированных спицах, рассыпается искрами. Звонok — звонкий, как птичья трель: я нажимаю на него раз, другой, третий — и смеюсь.

Тени от листьев за окном танцуют на раме, будто живые. Где-то во дворе кричат ребята: «Ленка! Ну, когда уже?»

— но я не отвечаю, поглощенная своим сокровищем. Осматриваю каждую деталь: проверяю цепь, кручу руль, нажимаю на тормоза на руле (они щелкают сухо и уверенно). Ставлю ногу на педаль, пробую качнуться — велосипед послушно наклоняется. Представляю, как поеду к школе, как буду кататься с подружками по аллеям парка, как дедушка сфотографирует меня на фоне цветущих каштанов на свой блестящий, еще трофейный фотоаппарат.

Наконец, я во дворе: делаю первый робкий оборот педалей — и вот уже качусь вперед, сначала медленно, потом смелее, ух ты! Ветер в волосах, солнце в глазах, звон колеса по трещинам асфальта — и этот невероятный, такой сладкий вкус свободы. Я смеюсь, и мой смех летит над двором, как тот самый звонок на велосипеде: звонкий, счастливый, настоящий. Это не просто велосипед. Это — мое первое большое приключение.

Сегодня мне исполнилось тринадцать, на дворе 1988 год, но это уже все неважно. Я стою так близко, что вижу каждую ее ресничку, каждую крошечную веснушку на ее щеке. Странно, раньше я не замечал, что у нее есть веснушки. Воздух между нами будто наэлектризован — щекочет кожу, заставляет сердце биться чаще. В ушах шумит, будто я только

что промчался на велосипеде по самому крутому спуску.

Она смотрит на меня — не отводит взгляд. В ее глазах что-то новое, незнакомое, и от этого внутри меня все сжимается и трепещет. Ладони потеют, и я незаметно вытираю их о штаны. Дыхание сбивается, будто я долго бежал и вот, наконец, остановился.

Медленно, очень медленно наклоняюсь. Время растягивается, как резиновая лента. Каждый сантиметр кажется километром. Где-то вдалеке лает собака, но я почти не слышу — все заглушает стук собственного сердца. И вот — наши губы соприкасаются.

Это не похоже ни на что из того, что я представлял себе раньше. Не «как в кино», не «как у взрослых». Это... свое. Настоящее.

Сначала — легкое, почти невесомое прикосновение. Теплое. Нежное. Потом совсем немного сильнее. Ее губы чуть приоткрываются, и я ощущаю ее дыхание. Оно смешивается с моим, и от этого становится жарко — не как от солнца, а как от внутреннего огня.

Все тело будто отключается: руки не знают, куда деться, колени подкашиваются, но я не падаю — я лечу. Нет, не буквально, конечно. Но внутри — точно лечу. Как будто я больше не привязан к земле, как будто могу взмахнуть руками и оторваться от асфальта.

Кажется, даже забываю, как дышать. Все внимание — только на этих ощущениях: мягкость ее губ, тепло ее лица

под моими пальцами (я и не заметил, как прикоснулся), легкий запах ее волос — вроде бы просто шампунь, но теперь он навсегда станет «тем самым».

Время останавливается. Мир сужается до этих нескольких сантиметров между нами. До ее пальцев, случайно коснувшихся моей руки. До биения сердца, которое, кажется, слышно даже ей.

Потом — легкий толчок назад. Мы отстраняемся. Я не знаю, куда смотреть. Щеки горят так, что, наверное, их видно даже в сумерках. В ушах все еще шумит, а в груди — сумасшедший барабанный бой. Я боюсь поднять глаза: вдруг она смеется? Вдруг ей не понравилось? Вдруг я все сделал не так?

Но она не смеется. Она тоже краснеет. И молчит. И в этом молчании — что-то огромное, новое, мое. Я глотаю воздух, как рыба, выброшенная на берег. Пытаюсь улыбнуться. Она улыбается в ответ — робко, чуть неуверенно. И от этой улыбки внутри снова вспыхивает тот самый огонь. Я не знаю, что сказать. Ничего не приходит в голову. Но это и не нужно. Все уже сказано — без слов, и я нежно обнимаю ее.

Я сижу на заднем сиденье, и мир вокруг будто разделился на две части: одна — привычная, где светит солнце, едут

машины, кто-то сигналил вдалеке; другая — моя, тесная и пульсирующая, где все сосредоточено в одном месте — в животе.

Руки сами тянутся прикрыть низ живота, будто так я смогу удержать, защитить, успокоить. Дышу медленно, как учили на курсах, — вдох через нос, выдох через рот. Получается не всегда: иногда дыхание срывается, становится частым и поверхностным, когда очередная волна накатывает снизу вверх.

— Все хорошо, — говорю себе шепотом. — Все идет как надо.

Но внутри — калейдоскоп чувств. Страх царапает холодными пальцами под ребрами: «А вдруг что-то пойдет не так? А вдруг я не справлюсь?» Рядом со страхом, плечом к плечу, — восторг, тихий и трепетный: «Сейчас. Совсем скоро. Я увижу его. Я смогу взять на руки».

Машина слегка подпрыгивает на неровностях дороги, и я инстинктивно напрягаюсь. Каждая кочка отзывается внутри, будто напоминает: «Я здесь. Это реально». Закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на дыхании, но мысли кружатся, как листья на ветру.

«Как он будет выглядеть? Будет ли похож на меня? На него? Какой у него голос? Какой запах?»

Ладони влажные, сердце стучит где-то в горле. Я то и дело поглядываю на часы, но время будто застыло. Или, наоборот, несется вперед, не дожидаясь меня.

В голове — обрывки фраз из книг, советов подруг, слов врача: «Расслабляйся», «Доверяй своему телу», «Это естественный процесс». Пытаюсь расслабиться, но мышцы будто забыли, как это — быть спокойными. Они в работе, они готовятся, они ведут свою тайную, древнюю песню.

Снова волна — на этот раз сильнее. Я сжимаю край сиденья, чувствую, как напрягаются все мышцы, как тело берет управление на себя. На секунду кажется, что я больше не хозяйка себе — я лишь сосуд, проводник, часть чего-то большего.

— Почти приехали, — говорит муж, не оборачиваясь. Его голос звучит глухо, будто сквозь вату. Я киваю, но он, наверное, не видит.

В груди — смесь страха и восторга, тревоги и нежности. Я чувствую себя хрупкой и одновременно невероятно сильной. Маленькой и огромной. Испуганной и готовой.

«Я смогу. Я уже могу. Я делаю это».

Машина замедляется, поворачивает. Впереди — светлые стены роддома, вход, двери, которые вот-вот откроются и впустят меня в новую жизнь. Только бы все было хорошо!

Я кладу руку на живот и шепчу:

— Мы почти на месте. Скоро увидимся. Ты родишься в июне 1992 года, в новой стране, в новой эпохе.

Глава 9

Лида строго смотрела на Игоря, а тот словно не замечая, что-то тихонько напевал про себя, листая старую, уже разваливающуюся книгу.

— Где Олег? — она постаралась произнести это спокойно, но у нее плохо получилось.

Игорь удивленно посмотрел на нее.

— Ты что, Лида, ты переживаешь, что ли? Это ты зря, за него не надо переживать, наш сын со всем справится.

— Где он? — повторила Лида, и в ее голосе прорезался металл.

Игорь вздохнул, отбросил книгу в сторону, усталым жестом потер глаза.

— Он провалился в воронку времени.

— Он?

— Ну да, он, а кто же еще? — Игорь улыбнулся. — Если точнее, то, что является центром адама, что и составляет наше «я» — энергетическая сущность. Если ты про тело, то тело я спрятал у него дома в поле временного стазиса, там с ним ничего не сделается. Когда Олег вернется, то сразу попадет в него.

— А он вернется?

— Ну, Лида, ну что ты? Конечно, вернется, что с ним сделается. Только крепче станет. Ты же знаешь, ему необходи-

мо пройти это испытание.

— Знаю, — она вздохнула, — но на сердце что-то нехорошо. Предчувствие какое-то странное.

— Понятно, — Игорь откинулся на спинку дивана. — Это загадочное материнское сердце. Все будет хорошо, я знаю.

А про себя подумал: «Надеюсь». Он ведь тоже очень переживал по-отцовски, стараясь не показывать своего волнения жене.

Холодный, пронизывающий до костей ветер свистит над бескрайней ледяной гладью, взметает снежную пыль, бьет в лицо колючими иглами. Я стою в строю, сжимая рукоять меча, и чувствую, как мороз пробирает до костей сквозь кольчугу. Впереди — ровная белизна Чудского озера, позади — негромкий гул голосов наших воинов. Мы ждем.

Утро 5 березиня 6750¹ года выдалось хмурым. Небо затянуто серыми тучами, и только редкие проблески света пробиваются сквозь них, отражаясь в ослепительно-белом льду. В воздухе висит напряженная тишина — та самая, что бывает перед бурей.

Вдруг вдалеке появляется темная полоса. Она растет, ши-

¹ Летоисчисление от сотворения мира, соответствует 5 апреля 1242 года от Рождества Христова (нашей эры).

рится, превращается в лавину сверкающих доспехов и развевающихся плащей. Рыцари Ливонского ордена идут в атаку, выстроившись грозным клином — той самой «свиньей», о которой столько говорили наши воеводы. Их тяжелые кони ступают уверенно, лед гулко отзывается под копытами.

— Держать строй! — раздается зычный голос десятника.

Мы смыкаем ряды плотнее. Я вижу, как блестят глаза товарищей — в них нет страха, только решимость. Каждый знает: сегодня мы сражаемся не за князя, не за землю, а за самое главное — за свободу. За право жить так, как жили отцы и деды.

Рыцари приближаются. Их копья нацелены прямо в центр нашего войска. Вот они уже в десятке шагов... в пяти...

— Стрелы! — командует воевода.

Туча оперенных стрел взмывает в небо и обрушивается на врага. Несколько рыцарей падают, но остальные неумолимо рвутся вперед. Клин врезается в наш строй с оглушительным треском ломающихся копий и звоном мечей.

Я поднимаю щит, отбиваю удар тяжелого даже на вид меча. Противник — огромный рыцарь в блестящих латах — наваливается всей массой. Его конь бьет копытами, пытаюсь сбить меня с ног. Но я уворачиваюсь, делаю выпад — и мой клинок находит щель в доспехах. Рыцарь хрипит, валится наземь.

Вокруг — ад. Лед покрыт кровью, которая тут же стынет на морозе. Слышны крики, стоны, лязг оружия. Наши вои-

ны сражаются с неистовой отвагой: кто-то рубит топором, кто-то колет копьем, кто-то сбивает врагов с ног ударами щита.

Внезапно я замечаю, как наши конные дружины обходят рыцарей с флангов. Это тот самый маневр, о котором говорил князь Александр: самая сильная часть войска — на краях, чтобы зажать врага в клещи. И вот уже рыцари, еще недавно казавшиеся неуязвимыми, оказываются в ловушке. Их неповоротливые доспехи становятся обузой: они не могут развернуться, не могут отступить.

— Бей! — кричу я, чувствуя, как адреналин обжигает кровь. Я чувствую, что умею драться как никто другой здесь, что для меня все они и каждый из них всего лишь слабенькие противники, несмотря на всю их броню и страшное с виду оружие. Вот только откуда приходит это знание, не понимаю, да и не до этого в горячке боя. Зато вокруг меня растет куча дергающихся в предсмертной агонии тел врагов.

Мы тесним их к краю озера. Они сбиваются в кучу, что опасно при таком весе, и вот лед начинает трещать под тяжестью множества людей и коней. Кто-то из рыцарей оступается, проваливается в ледяную воду. Их крики тонут в общем гуле битвы.

Прошло уже несколько часов, но сражение не утихает. Я теряю счет ударам, которые наношу и от которых успеваю увернуться. Однако мои руки не дрожат от усталости, мои ноги не подгибаются, я по-прежнему полон сил, откуда это

во мне, неужели Бог мне дает силы? Наверное, так, потому что я знаю: нельзя сдаваться. Нельзя позволить этим чужеземцам пройти дальше.

И вот, наконец, перелом. Рыцари начинают отступать. Сначала медленно, потом все быстрее, бросая оружие, пытаюсь спастись. Наши всадники преследуют их, рубят на скаку. Лед трещит, ломается, и еще несколько закованных в сталь воинов исчезают в темной воде.

Солнце клонится к закату, когда последний рыцарь исчезает вдали. Мы стоим на окровавленном льду, тяжело дыша, оглядывая поле боя. Многие наши товарищи лежат неподвижно, но мы победили. Победили не числом, а умением, не силой, а духом.

Я опускаюсь на колени, касаюсь ладонью холодного льда. Он хранит следы нашей битвы, нашей боли, нашей славы. И я знаю: этот день запомнится на века. День, когда мы встали на пути врага и не отступили. День Ледового побоища.

Я стою на заснеженной площади в Петрищеве. Холод пробирает до костей, но я почти не чувствую его — все затмевает другое. Вокруг — чужие лица: немецкие солдаты в серых шинелях, местные жители, которых согнали сюда силой. Все смотрят на меня. А я смотрю вперед — туда, где возвыша-

ется виселица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.